

Георгий Скрипкин

Мыслительные дебри

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-1
ББК 84-5
С45

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

- Скрипкин Георгий**
С45 Мыслительные дебри / Георгий Скрипкин. — [б. м.] :
Издательские решения, 2018. — 340 с. — ISBN 978-5-4490-
2659-0

Это уже десятый сборник стихов Георгия Скрипкина. Они были написаны автором в 2017 году. Основные темы, затронутые автором в этом сборнике: любовь к малой и большой Родине, общение с природой, любовная лирика и стихотворения для детей.

УДК 82-1
ББК 84-5

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-2659-0

© Георгий Скрипкин, 2018

Нотки дождя

Я с небом голубым хотел бы пообщаться,
но стаи облаков прикрыли небосвод.
Швыряются дождем с небесного ушата.
Меняется настрой от скучной песни вод.

И вдруг я услышал веселенькие нотки.
По крышам застучал ударник озорной.
Я взгляд свой уронил на праздничные шмотки,
и жажду захотел побаловать в пивной.

Общение в интернете

Вошел в интернет с настроением общаться,
но вышел до времени, злобы глотнув.
Общенью по-дружески не было шанса.
На правду прочел только ересь одну.

Меня оплевали бессовестной ложью.
Я словно ворвался в вонючий бордель.
Меня возмутило виденье до дрожи,
и я на свободу тотчас захотел.

Откуда скопилось в нас столько агрессии?
Куда подевалось зерно доброты?
Иль это издержки сплошного прогресса,
а, может быть, эхо людской маяты?

Антицензурное искусство

Сатира ниже плинтуса, а юмор ниже пояса.
Такие откровения навеяла печаль.
Читать иные опусы, сказать по чести, боязно.
На них антицензурная дешевая печать.

Кричат словами матными артисты и артистишки.
Бесстыдно оголяются сценарные шуты.
В обличье вседозволенном находят люди истину,
и этим разрушаются их добрые мечты.

А в том ли назначение искусства заключается?
Не рано ли схоронена всевышняя мораль?
Божественные ангелы страдают от отчаянья,
но хвастает величием пустопорожний враль.

Нежные воспоминания

Ложе я не смог усыпать лепестками роз,
но зато усыпал васильками.
В жизни не освоил прописную прелесть проз
и писал признания стихами.

Подбирал с волнением волшебные слова,
те, что западали прямо в душу.
И от этих слов твоя кружилась голова,
сердце билось вырваться наружу.

Нежно прикасался к озорному роднику
жаждой утомленными губами.
И до сей поры его прохладу берегу.
Память не состарилась с годами.

Летний сад зимой

Летний сад, прихваченный морозом,
поутих в декабрьские деньки.
Над земным пространством чайной розы
мельтешат из снега мотыльки.

Не струятся водами фонтаны,
Не сияют чаши серебром.
Коробов слепые истуканы
охраняют ценное добро.

В них хранятся древние фигуры,
в них содержат ангелов покой.
До весны зеленая натура
занеслась холодной рукой.

И стоит великий баснописец
с окропленной снегом головой.
Он про зиму что-нибудь напишет,
если ветра не ворвется вой.

Если в сад ажурная ограда
не пропустит происки Невы.
Пусть зимует Питера отрада
под зонтом небесной синевы.

Разлука

Самолет превратился в точку,
а потом и совсем пропал.
Жизнь порой не дает отсрочку,
отправляя любимых вдаль.

И разлука коварным гостем
отгрызает цветенье дней.
Ждать и верить совсем непросто
ни в делах, ни в душевном сне.

Пропадают на небе звезды,
и не греет от солнца луч.
И не спится порою поздней
в обрамлении пришедших туч.

Пусть обратно вернется точка
и появится самолет.
Перестань обходиться почтой,
ты же знаешь, любимый ждет.

Слякоть

Смотреть на жижу под окном
не хочется совсем.
Мелькают мысли об одном,
что я не нужен всем.

Стреляет серостью в меня
унылый небосвод.
А мне бы солнечного дня
с журчаньем вешних вод.

А мне б улыбки озорной
с задорного лица.
А мне б проказницы одной
с любовью до конца.

Но портит жижа под окном
невысохший пейзаж.
И превращает этим днем
стремление в пассаж.

Суть учебы

Полил цветы и высказал им все.
Верней, не все, а то, что наболело.
Полив цветы, я добрым сделал дело,
и этот труд был нужен и весом.

Но вот слова, сорвавшиеся с уст,
мое добро порядком подмочили.
Я подзабыл, чему меня учили,
пока не вырос долгожданный ус.

А суть учебы, в общем-то, проста —
сначала думай, а потом уж вякай
и, по возможности, не лай собакой
на шевеленье каждого куста.

Мыслительные дебри

Я зашел в своих мыслях в дебри
и из них не могу уйти.
Как же нужен сознанию дембель,
чтоб найти перекося пути.

Как же нужен душевный отдых
под прикрытием ясных дней.
Но долбают сомненья под дых,
и никак не собраться мне.

Перегибы из прошлой жизни
теребят воспаленный мозг.
Все ли сделал я для Отчизны,
и чего еще сделать мог?

И всплывают родные лица
из анналов небытия,
и грозит состояньем блица
непутевая жизнь моя.

Щадящая зима

Легкий морозец кусал незлобиво
нежные щеки твои.
Ты наблюдала морозное диво
в инее сонной хвои.

В синих глазах я прочел отражение
радости нежный букет.
Как же легко быть в твоём окружении,
и не мгновений, а лет.

Как же приятно вдвоем погрузиться
в прелесть щадящей зимы.
И наслажденьем с тобой поделиться,
взяв у природы взаймы.

Кричит душа...

Кричит душа, куда-то рвется,
а я не в силах обуздать.

И в сердце гулом отдается
совсем не божья благодать.

И я с тоской кусаю локти,
боюсь в агонии пропасть.
А Пушкин смотрит исподлобья
на мной написанную страсть.

И я безжалостно сминаю
строкою пачканный дневник.
Писать по новой начинаю
сюжет не знавших света книг.

Писать безропотно придется,
успеть бы вовремя издать.
Кричит душа, куда-то рвется,
ее не в силах обуздать.

В глазах голубых...

В глазах голубых я намерен читать
счастливых томов бесконечность.
Ах, если б ты знала, как чудно листать
любовь, уводящую в вечность.

Листать осторожно, боясь надорвать
страницы подаренной книги.
Читать с наслаждением, пытаясь сорвать
минувших томлений вериги.

И видеть улыбку в цветении глаз,
и чувствовать каждую клеткой
любовных творений волшебный экстаз,
и быть благодарным за это.

Старческие метаморфозы

Мгновенья не ценил, минутами швырялся,
неспешные года бездумно подгонял.
В реальность не вникал, соблазнам доверялся
и разумом своим со вкусом понукал.

И верил, никогда меня не сманит старость,
манерной сединой года не соблазнят.
Но свесилась на грудь коварная усталость,
и в лысой голове претензии шумят.

И я теперь ценю минуты и мгновенья,
спешащие года пытаюсь обуздать.
Стараюсь в небесах найти свое знаменье
и часть тревожных дум всевышнему отдать.

Иль наяву, или приснилось...

Иль наяву, или приснилось,
но только женская рука
в мою запазуху вцепилась
и приголубила слегка.

Не знал такого обхожденья
я с той поры, как поседел.
Но после данного виденья
запас мой страстный оскудел.

И удалилась восвояси
хозяйка похотной руки,
оставив томную гримасу
за состязанье в поддавки.

Песня древнерусская

Сколько удали несет
песня древнерусская.
Я спою ее сейчас
с перебором гуслими.

Пропою я вам куплет
на манер былинника,
чтоб смогли вы разделить
с милой ночь длинную.

Чтоб душа смогла запеть
от любовных оханий,
чтоб игравшие в любовь
не казались лохами.

Славься милая земля
песней древнерусскою.
Не ходи, любовь моя,
на дорожку узкую.

Ах, зима, ты зимушка...

Ах, зима, ты зимушка, что ж ты горько плачешь?
Что ж с владыкой северным больше не судачишь?

Растеряла зимушка снежные заносы.
Притязанья осени безмятежно сносит.

Достает сердечную водная стихия.
На дожди осенние злиться не с руки ей.

Затаились под полом вьюги да метели.
И грустят без инея сосенки и ели.

Не владеет лужами корка ледяная.
О морозе зимушке сон напоминает.

Странный Снеговик

Легла снежинка на ресницы
и стала талою водой.
А хитроумная сестрица
легла на коврик ледяной.

На тот же коврик прилетела
снежинок целая семья.
Она всю ночь была без дела,
а утром встала ребятня.

Она слепила из снежинок
большой и статный Снеговик.
Но вместо носа был ботинок,
а вместо шляпы половик.

Смеялся он сосновой веткой,
смотрел единым угольком.
От взгляда маленькая Светка
скатилась с горки кувырком.

За взгляд дворовая собака
его облаяла слегка.

А дворник, вытащив лопату,
решил убрать Снеговика.

Встреча с другом

Садись за стол, приятель мой,
налей скорей бокал.
Прожив года, приятель мой,
тебе не все сказал.

В одном доме, приятель мой,
мы вместе родились.
В расцвете лет, приятель мой,
дороги разошлись.

И вот теперь, приятель мой,
сошлись наши пути.
Давай глотнем, приятель мой,
за жизнь, что позади.

За эту жизнь, приятель мой,
мы выпьем и не раз.
Сначала сад, приятель мой,
а позже школьный класс.

Потом глаза, приятель мой,
небес ласкала синь.

И ты служил, приятель мой,
Отчизне верный сын.

И я служил, приятель мой,
присягою влеком.

А в мыслях был, приятель мой,
родительский мой дом.

Держи бокал, приятель мой,
за дружбу будем пить.

За тех, что нет, приятель мой,
ну а могли бы быть.

Новый год в лесу

Стоит елочка в лесу,
снег ее украсил.
Я подарок к ней снесу
и устрою праздник.

Она здесь, недалеко,
возле нашей дачи.
Ей на лыжах с ветерком
принесу удачу.

Закружится хоровод
зимнею порою.
Пусть дивится небосвод
с вышедшей луною.

Будет елочка стоять
зим и лет немало.
Мы вернемся к ней опять,
чтобы не скучала.

Телевизор лучше не смотреть

Телевизор лучше не смотреть.
Сыплется из рога новостного
только то, что хочется реветь,
или то, где много наносного.

То потоп, то кризис, то террор,
то земля трясется от разрывов.
За укором слышится укор,
и брехня идет без перерыва.

Мне смотреть приятнее в окно,
явь не лжет, идет неторопливо.
И ласкают мысли об одном,
как же мы мудры и терпеливы.

У пруда

Светится под солнышком полынья в пруду.
С маленькою внучкою я к нему иду.
Нас заждалась уток целая семья.
Две вкуснющих булочки в сумке у меня.

Внучке очень нравится уток кормить.
И глотают булочку утки в тот же миг.
Вот уже последняя булочка в руках.
И несутся уточки в сторону куска.

Шумно машут крыльями, норовят щипнуть.
И спешат попробовать крошку, хоть одну.
Не спешите уточки, мы еще придем,
вам побольше булочек в сумке принесем.

Видение

Вдали синеет горизонт
полоской из-под туч,
но будто море вдалеке
с цепочкой горных круч.
И не беда, что надо мной
готовятся дожди,
дышу я воздухом морским,
и вдаль готов идти.

Но убегает горизонт
с полоскою морской.
Душа скукожилась опять,
заполнилась тоской.
Противный дождь, набравшись сил,
по крышам застучал.
Меня по новой поманил
родительский причал.

Я к маме обращаюсь

Я к маме обращаюсь,
прошу меня простить,
за что и сам не знаю,
но все равно прости.

Быть может, в юной спешке
тебя не долюбил.
Считал в советах пешкой,
дерзил, что было сил.

Пытался оторваться
от мамина крыла.
Старался задержаться,
заели, мол, дела.

Не радовал звонками
и писем не хранил.
Считал, что сам с усами,
в ответах воду лил.

И вот теперь пытаюсь
свой локоть укусить.
Но даже и в мечтании
мне ласки не вкусить.
Я снова обращаюсь —
прости меня, прости.
И перед богом каюсь,
чтоб душу отвести.

Дворовая елка

Коснулся утренний рассвет
сонливой неги ночи.
Окрасил небо в белый цвет,
поземку напорожил.

С небес посыпалась крупа
из маленького снега.
По снегу хочется ступать,
а, может быть, побегать.

А чьи-то свежие следы
ведут к дворовой елке.
За мной пытаются следить
колючие иголки.

Я их сторонкой обхожу,
учтиво улыбаюсь.
Но не хватает терпезу,
я елочки касаюсь.

И не случилось ничего,
иголки не кололись.
И стало на сердце легко,
исчезло чувство боли.

Сестре

Поспи еще, моя родная,
лицо улыбкой озари.
Ты утомилась, ожидая,
предтечу утренней зари.

Я посижу у изголовья,
свое дыханье затаив.
Тебя укрою нежным словом,
лоскут печали удалив.

Пускай созвездие приснится,
где возгорит твоя звезда.
И только розовые птицы
на глади чистого пруда.

Родительские истоки

Где б ни был я, в каких краях,
вернусь к родительским истокам.
Там для меня любовь хранят
и не завидуют итогам.

Там лаской горница красна,
а в доме пахнет пирогами.
И будто вечная весна
лежит циновкой под ногами.

И песня русская звучит
над вкусом доброго застолья.
Душа от счастья голосит
и не торопится на волю.

Давно я в парке не гулял...

Давно я в парке не гулял
с моей игривою зазновой.
До состояния озноба
ее давно не обнимал.

Умчалась осень с ветерком,
оставив сморщенные листья.
Природой подняты кулисы
с метелью, сдобренной снежком.

Настали зимние деньки,
убавив страстного нектара.
Мороз куражится недаром,
с подачи северной руки.

Но слишком долго ждать весну,
мы в парк по снегу возвратимся,
любовной страстью насладимся,
поделим ласку не одну.

Дружный отряд

Зеленых гусениц отряд
шагает по дорожке.
Но почему у всех у них
всего лишь по две ножки.

Идут цепочкою они,
держась за ручки крепко.
Как будто тащат из земли
огромнейшую репку.

Поверх одежды у детей
зеленые жилетки.
Они надежно их хранят
зимой, весной и летом.

Хранят и осенью златой
заметные жилетки.
Идет отряд по мостовой,
в нем милые трехлетки.

Бабушкины блинчики

Где бабушка, там блинчики,
которые хотим.
Без всякого приличия
мы блинчики едим.

Едим их со сметаной,
с вареньями едим.
Не ведая усталости
едим, едим, едим.

А бабушка довольная
на лавочке сидит.
Нам нежно улыбается
и весело глядит.

Улыбкой ободренные
едим еще по пять.
Животики наполнены,
желанья не унять.

Вдыхая нежный аромат...

Вдыхая нежный аромат кудрей твоих,
я обращаюсь с неизменной просьбой к богу —
дай наслаждение любовью на двоих
и не пускай судьбу — разлучницу к порогу.

Пускай хранит нас одинокая звезда.
Я не готов делить любовь со звездопадом.
Пусть видят нежность наши лучшие года
и наслаждаются, что мы с тобою рядом.

Душа поэта

Слова слетают с губ моих,
но их уносит в бездну.
Забился в угол нежный стих,
его не принял бездарь.

Скопилась рифма на столе,
в шкафу теснится проза.
Барьеры рынка одолеть
на практике не просто.

Смурное время блатников
не жалует поэтов.
Не скинуть бартерных оков,
но нужно знать об этом.

Душа поэта не поет
по чьей-нибудь указке.
Не удержать ее полет,
не суетись, будь ласка.

Творческие планы

Слякоть попусту стремится
в душу заглянуть.

Пусть над пяткою глумится
весь недолгий путь.

Доберусь я до сокровищ
снежной белизны.
Мы с зимой друзья по крови,
слуги новизны.

Постучусь стихом в калитку
зимушки — зимы.
Завернусь в ее накидку
до самой весны.

Буду снежные комочки
в солнышко метать.
А слепив смешные строчки,
буду их читать.

Дочитаюсь до цветенья
высохших деньков
и познаю возрожденье
парков и садов.

Бабушкин приезд

Дочка кашлять начала,
кашляет с надрывом.
Мама в сад не повела,
мечется пугливо.

Что за странная болезнь
завелась у дочки?
Нужно срочно в шкафчик лезть
и достать примочки.

Но раздался у дверей
звонкий колокольчик.
Открывайте поскорей,
кто-то в гости хочет.

В гости к внученьке пришла
бабушка родная.
Ей варенья принесла
и другие наки.

Сразу кашель отступил,
смех в доме раздался.
Стала внучка, что есть сил,
с бабушкой ласкаться.

Жизненная новь

Голос твой журчит над лугом,
рвется в небосвод.
Стала ты мне милым другом
без никчемных квот.

И дарю я безвозмездно
уж не первый год
счастье, давшее надежду,
и желаний свод.

А за это получаю
нежную любовь,
и души в тебе не чаю,
вот такая новь.

Скоро Новый год

До елки новогодней
осталось десять дней.
Досадно от погоды,
обидно за людей.

Раскисла под ногами
промокшая зима,
куражатся над нами
иль серость, или тьма.

Расставленные елки
надеются на снег,
ощерили иголки,
а снега нет и нет.

Пойду-ка к Дед Морозу,
попью-ка с ним чайку.
Возьму с собою прозу,
на рифму намекну.

Поэзией расслаблю
владыку снежных бурь.
Спасет он нас от хляби,
украшит нам судьбу.

Жертвенный год

Лимит на слезы иссякает,
а жертвы множат без лимита.
Год високосный продлевает
потуги смертного гамбита.

Он любит жертвоприношенья.
Он видит в них источник силы.
Ему не свойственны прощенья,
он ставит фишку на насилие.

Он гложет жертвы без аншлага,
бросает их с небесной сини.
И тень приспущенного флага
лежит над плачущей Россией.

Не жалуем живых...

Не жалуем живых, умерших прославляем.
Глумимся над творцом, потворствуем дельцам.
Печальный вид хибар порой не замечаем
и почестъ воздаем вельможистым дворцам.

Россиюшка моя, стряхни вчерашний мусор,
протри над головой заляпанную синь.
Наполни небосвод торжественностью музык
для тех, кто в данный час радеет о Руси.

Четыре дома у реки

На косогоре у реки стоят четыре дома.
Они взирают сверху вниз глазами пустот.
Я осторожно подхожу к предбаннику пустому
и натыкаюсь на пейзаж из разных нечистот.

Когда-то здесь пылал огонь, ольхой топилась
банька.
Сначала женщин тешил пар, потом уж мужичков.
Исправно парил мужичков пастух, что звали
Ванькой.
Да и по женщинам пройтись наш Ванька был
готов.

Но соблюдалась на Руси давнишняя зарока,
что в той деревне, где живешь, по бабам
не гуляй.
А то по свету разнесет известие сорока,
тогда для скорого суда загривок подставляй.

Четыре дома, и детей для каждого с десятков.
Бежал по склону до реки их развеселый гвалт.
Там детство мазалось в грязи от головы до пяток,
но как легко такую грязь водою отмывать.

И вот теперь стоят дома, помятые годами.
Тропинки, звавшие к домам, травой заросли.
Играет солнце по утрам с росистыми слезами.
И я спешу скорей уйти с заброшенной земли.

Одинокая сосна

Стоит сосна, зажатая домами.
Когда-то здесь шумел сосновый бор.
Сюда с дружкой ходили за грибами.
Здесь ждали нас маслята на подбор.

Здесь в ранний час малину собирали,
взахлеб дышали запахом хвои.
Над нами птицы дивные летали,
хвалились трелью наши соловьи.

И вот теперь, зажатая домами,
стоит сосна с поникшей головой.
И от тоски обшарпался местами
ее усохший, одинокий ствол.

С моей груди проклятия не рвутся,
и, может быть, строения нужней.
Но только жаль, что с памяти сотрутся
картинки тех, сосновых витражей.

Песня скошенной травы

Под шелест скошенной травы
пришли слова веселой песни.
И под присмотром синевы
мы те слова запели вместе.

Дивился солнечный простор
на двух счастливых человечков.
А рядом пел сосновый бор,
быть может, что-нибудь о вечном.

И мы запели в унисон,
купаясь в ласковости ветра.
И стаи птиц со всех сторон
слетались в тень сосновых веток.

Отчего душа поет...

Отчего душа поет, если небо плачет,
если ветер задает вид на неудачу?
Потому что жизнь моя связана с любовью.
А любовь, как говорят, не подвластна сбою.

А любовь моя чиста, как слеза ребенка.
И в ненастные деньки не стоит в сторонке.
Оттого душа поет и глаза лучатся.
Подходи честной народ, дам кусочек счастья.

Ну, что за ночь...

Ну, что за ночь, ну, что за ночь.
Порыва чувств не превозмочь.
Биенье сердца не унять.
Какая в ласках благодать.

Копилку страстную открой.
Займись любовною игрой.
Не отводи лукавый взгляд,
дышать тобой я очень рад.

Пускай глядит на нас луна,
возможность богом ей дана.
Прими мой сладкий поцелуй
и допьяна меня целуй.

Проныра — вредный звездопад
в игру вмешался невпопад.
Желаний всплеск умчался прочь.
Ну, что за ночь, ну, что за ночь.

Новогодний Петербург

Невский, в праздничном убранстве,
залит светом в вечеру.
Он с особым постоянством
приглашает на Неву.

Разноцветные гирлянды
нам указывают путь.
Новогодние желанья
взять с собою не забудь.

Подивись пушистой елке
у Гостиного двора.
Там играет без умолку
озорная детвора.

Только елка на Дворцовой
и главнее, и важней.
Дед Мороза нос пунцовый
и солидней, и видней.

Бородою он полощет,
приглашает в хоровод.
Потому на эту площадь
собирается народ.

Обращение к Зиме

К Зиме я обращаюсь — добавь еще снежку.
Веселья не хватает на невском берегу.
Откуда взять веселость, когда растаял снег,
когда холодный ветер ускорил свой разбег.

Разносит по округе оттаявшую пыль,
не нравится, зануде, детей задорный пыл.
Не нравится, что светят на елках огоньки,
что наши пожеланья на праздник высоки.

Как хочется со снегом увидеть Новый год,
чтоб снежная Снегурка водила хоровод.
Попробуй расстараться, расщедрись белизной,
а мы тебя уважим напевной новизной.

Новый год пришел

Бой курантов, шампанского брызги,
перевернут последний листок.
Фейерверки с надрывом и визгом
освещают всеобщий восторг.

Новый год приступил без стеснения
к заполнению праздничных дней.
Кто-то просит грехов отпущенье,
кто-то хочет еды повкусней.

Я прошу хоть немножечко снега
у промокшей до нитки зимы.
И с надеждой взираю на небо
в толчее озорной кутерьмы.

Отражаются сполохи света
на зеркалах пустых облаков.
Я опять остаюсь без ответа
и с подмокшей гирляндой стихов.

Необычный Дед Мороз

Дед Мороз пришел к нам в дом,
и Снегурочка при нем.
Он с порога рявкнул — Здравствуйте
и поведал про напасти.
А потом как закричит,
да ногами застучит.
Почему погасла елка?
Отчего не видно волка?
Я вам Дед или не Дед?
Где заслуженный обед?
Мы, конечно, растерялись
и с обедом задержались.
Развязал он свой мешок
и озвучил нам стишок —
Если вкусовостей не будет,
он нам елочку загубит.
А без елочки никак,
вот такой ваш Дед мастак.

Испугались не на шутку
и сварили Деду утку.
Он ее со вкусом съел
и немного подобрел —
Елку я валить не буду,
а вручу вам чуду-юду.
Очень наглое оно,
его в дверь, оно в окно.
Он на этом распростился,
взял мешок и удалился.
И теперь мы вчетвером
с этим чудищем живем.
Но об этом новый сказ
и, конечно, не сейчас.

Новогодняя бессонница

Снег по новой закружился
над притихшею Невой.
Дед Мороз уgomонился,
он теперь приятель мой.

Щиплет щеки незлобиво
и кусается слегка.
Все вокруг бело, красиво,
знай, катай Снеговика.

И ночная канонада
мне проблем не создает.
Зимний праздник, то, что надо,
он с бессонницей идет.

Фейерверки освещают
сотни тысяч добрых лиц.
Новый год в ночи шагает
и не ведает границ.

Питерское буйство

Завалил пушистый снег
буйство питерского братства.
Бог еще не наблюдал
вот такого святотатства.

Запускались в небеса
разноцветные шрапнели.
И просились с детством в пляс
даже праздничные ели.

Дед Мороз с большим мешком
раздавал подарки людям.
Мы о щедрости такой
никогда не позабудем.

Разнесем во все концы
наше доброе веселье.
И в шампанском промокнем
с Новым годом новоселье.

Пушисто-белый снег

Смотрю на снег пушисто-белый
и вижу твой лукавый взгляд.
С твоим виденьем скороспелым
готов устроить перегляд.

Но ты скрываешься в снежинках
как искрометная звезда.
И лишь на миг твоя смешинка
в глазах всплывает иногда.

Я вновь иду на свежий воздух,
вдыхаю юный снегопад.
И, несмотря на зрелый возраст,
стоять под снегом очень рад.

Он мне дает глоток надежды
на бесконечные года.
Я вновь увижу взгляд твой нежный
и не оставлю никогда.

Роль Дедушки Мороза

Роль Дедушки Мороза
я в Новый год сыграл.
А внучек мой любимый
мне скромно подыграл.

Узнал меня он сразу
под ватной бородой.
Не выдал даже взглядом
мой маленький герой.

Он шумно веселился,
со мною песни пел.
И даже в пляс пустился
мой солнечный пострел.

Да для такого внука
я все готов свершить —
и в детство окунуться,
и старость пережить.

Пусть растёт мой ангел
под небом голубым.
А я теплом украшу
покой его судьбы.

Толубое небо

Над Петербургом нет ни облачка, ни тучки.
Лучами солнышко ласкает купола.
Они улыбки раздают с высокой кручи,
и от улыбок вся округа расцвела.

Искрится снег в тиши Михайловского сада.
Играют зайчики на льдинках у Невы.
И Летний сад сверкает золотом ограды.
И то сверканье достигает синевы.

Так проявились петербургские красоты
перед раскрывшимся величием небес.
И люди молятся безоблачным высотам,
пока их снова не закрыл дождливый бес.

Время новых мечтаний

Перевернул еще одну страницу
в своей поэме отшумевших лет.
Исчезла в небе старая зарница,
а вместе с ней былых мечтаний след.

Но будоражат новые мечтанья,
на свет выходят новые стихи.
В них не найдешь ни чинопочитанья,
ни резких слов о резвости стихий.

Зато любовь купается в объятьях,
струится нежность с возбужденных уст.
Несется в мир нектар рукопожатья,
которым я излечиваю грусть.

Первая любовь

Первый робкий поцелуй,
нежное касание.

Перед ним десятки лун
в нервном ожидании.

Перед ним десятки фраз,
сказанных в беспамятстве.

И волнение каждый раз
при реальной памяти.

От разлук иные дни
были наказанием.

Но пробилось из груди
первое признание.

Первый робкий поцелуй,
нежное касание...

...Скрыл следы зеленый луг
взрослого свидания.

Ночное приключение

Ночь прокралась из-за леса,
Мишкин дом уснул.
Дед волшебный в поднебесье
звездочкой мигнул.
Разбудил волшебник Мишку
сполохом звезды.
Взял наш Мишка в руки книжку,
взял без суеты.
Развернул в тиши страницу
и увлекся так,
что читаемые птицы
взмыли на чердак.
А читаемые звери
встали со страниц
и пошли к открытой двери,
чтоб спуститься вниз.
Разбрелись они по дому,
и давай шуметь.

Волк озвучил страшный гомон,
зарычал медведь.
Гусь с лисой сошлись в дуэте,
крокодил притих.
Белый заяц стал поэтом
и озвучил стих.
Раззадорились лягушки
и пустились в пляс.
Встали Мишкины игрушки —
вы примите нас.
В общем, в доме приключился
полный кавардак.
Мишка страшно разозлился
и схватил башмак.
Но волшебный дед от двери
подмигнул звездой.
И вернулись птицы, звери
в книжку на постой.
И сказал волшебник Мишке —
ты с умом читай,
а то выскочит из книжки
злостный негодяй.
И зацikliшься ты, Мишка
на плохих делах.
Напрягай же свой умишко,
все в твоих руках.

Как жаль, что первые стихи...

Как жаль, что первые стихи не смог я сохранить.
Нешадно рвал их на куски, старался позабыть.
А в тех стихах пылал пожар не детского огня,
и гейзер искренней любви фонтанил из меня.

Быть может, были те стихи наивными порой,
но я готов был до конца стоять за них горой.
На острословов и лгунов обиды не таил,
но покушение на любовь без драки не сносил.

Живые строки находил я в маминых глазах.
Ее душевное тепло не раз воспел в стихах.
Писал про ветхое крыльцо и опустевший двор.
Пытался время торопить судьбе наперекор.

И не заметил, как прошел пик юношеских дней.
Взлелеяв новую мечту, я поспешил за ней.
А распроставшись впопыхах с родительским
 гнездом,
оставил первые стихи и начатый альбом.

Святая амфора печали...

Святая амфора печали
еще не выпита до дна.
Ведь мы с тобой недоскучали
на склоне прожитого дня.

Ведь мы с тобой недолюбили,
недоласкались в поздний час.
Не все желания случились,
не все ценилось без прикрас.

Еще не все романсы спеты
у разведенного костра,
а песня — добрая примета
начать все с чистого листа.

Две свечи

Свеча за здоровье горит.
За упокой свеча погасла.
Небесный ангел божьим гласом
с моей душою говорит.

И плачет робкая душа
под чистым гнетом сущей правды.
И нет целительней награды
ту правду слушать, не спеша.

Вкусив ее, я смог понять,
что жизнь — не заданная тема
и не набор стандартной схемы,
а плод душевного огня.

И вспылала та свеча,
что преждевременно погасла.
Какое чудное причастье
под божьим ликом помолчать.

Рождественская горка

Под ногами снег искрится,
смотрит горка сверху вниз.
Мол, попробуй прокатиться
и не падай в страхе ниц.

Ярко-красные ватрушки
предлагаются на час.
Эй, сестренки и братушки,
мы надеемся на вас.

Неудобно отказаться,
показать свою боязнь.
И в сугробе оказаться
наслаждение, а не казнь.

Забираемся на горку,
прикрываем спешкой дрожь.
Напрягаем песней горло,
нам скатиться невтерпех.

И летит за нами следом
наш задорный звонкий смех.
Вот и новый непоседа
тешит мысли на успех.

А коварные сугробы
поджидают смельчака.
Но не скис он с первой пробы,
выдал с горки трепака.

Раззадорилась и горка,
посмотрела сверху вниз.
И с улыбкой, без разборки
наш исполнила каприз.

Полетели мы гурьбою
под приглядом ветерка,
громко радуясь судьбою
и боясь наверняка.

После праздника

Новый год пришел на место
с голубого полотна.
Елка брошенной невестой
притулилась у окна.

Отшумели хороводы
под разлапистой красой.
Рыжий кот под елкой бродит,
он до веток сам не свой.

Осыпаются иголки
под ударом мягких лап.
Горько слышать нашей елке
вместо песен только храп.

Не блестят на ней гирлянды,
не сверкают огоньки.
А от хвойного наряда
голых веток стебельки.

Ничего тут не поделать,
уж такой у елки век.
Но зато глотком веселья
насладился человек.

Отшумели праздники...

Отшумели праздники,
отшутились святки.
Я почуял разницу,
встав не с этой пятки.

Может быть, обрящется
в старом, Новом годе.
Но уже не спляшется
в дружном хороводе.

Брызги от шампанского
так уже не взвеют.
От подарков бантики
временем развеет.

Новая страница

Раскрылась новая страница
в моем житейском дневнике.
В него стучатся те же лица.
Я их встречаю налегке.

Застыла праздничная рифма,
а рифма будней не пришла.
И нет простого алгоритма,
чтоб возродить мои дела.

Прошу у неба вдохновенья
и упираюсь в облака.
Придет ли новое творенье?
Возьмет ли слог моя рука?

Скопилось множество вопросов
в моей поникшей голове.
Я тешу мысль банальной прозой
взываю Музу на совет.

Сон в зимнюю ночь

Прокатиться бы на дровнях
по нехоженной меже.
На заснеженном подворье
извальяться б в неглиже.

Посетить парную баньку,
да на камушки плеснуть.
Разомлевшую смуглянку
теплым веничком хлестнуть.

После сладостной парилки
окунуть ее в любовь,
чтоб расслабились поджилки,
чтоб не стыла в жилах кровь.

На завалинке холодной
посекретничать с луной.
Что нам зимняя погода,
если завтра выходной.

Лось и заяц

В лесной чащобе жил зайчонок,
ушел из дома он спросонок.
Любого кустика пугался,
при каждом шорохе терялся.

Когда увидел морду лисью,
пытался он с сугробом слиться,
Но хитроумную плутовку
не отвлекла его уловка.

Она направилась к сугробу,
пытаясь взять его на пробу.
Зайчонок наш не растерялся,
к чащобе ельника помчался.

А от лисы не так-то просто
сбежать по насту снежных просек.
Ее дыхание все ближе,
она уже зайчонка лижет.

Но из чащобы вышел лось,
он здесь хозяин, а не гость.
Зайчонок прыгнул под лося,
всем видом помощи прося.

Почуял лось свое значение,
рогами дал предупреждение.
Лиса покинула свой пост,
исчез за елкой рыжий хвост.

Вот так решительность лося
зайчонка нашего спасла.
Теперь они живут в лесу
и не пугаются лису.

Как короток зимою день

Как короток зимою день
с его недолгим бликом солнца.
Когда зеваётся спросонья
и клонит в сон любую тень.

И только тысячи огней
ночную мглу отодвигают.
От их лучей снежинки тают,
и оттого они ценней.

И оттого милей закат,
что отдает багряным светом.
Природой пишутся сонеты,
которым я безмерно рад.

Но я скучаю по весне,
зовущей белыми ночами.
Когда свиданье со свечами
меня волнует лишь во сне.

А наяву не спит Нева,
и я не сплю в свечений ночи.
Люблю без темных полномочий
и без желания зевать.

Скорее в реальность

Из виртуальности скорее выходи,
открой окно в цветущую реальность.
Соблазном кликов свою душу не губи
и не меняй творенье на банальность.

В тени родных берез свободой подыши,
согрей в руках реальную букашку.
В краю лесных озер подвоха не ищи,
ну, а в лугах найди свою ромашку.

Созрей испить из родника живой воды,
оставь в горах биение испуга.
И бог учтет твои реальные труды,
благословит, как истинного друга.

В пивную

Чтоб на ромашках не гадать,
пойду в знакомую пивную.
Глотну с устатку четвертную,
залью желание страдать.

На мир сквозь кружку посмотрю,
запью пивком соленость воблы.
Почую дух беспечной воли
и эпиграмму сотворю.

Ну, что поделать, если дух
кричит дыханием сатиры.
Я с ним готов смешить полмира,
но только мир к сатире глух.

Давай, приятель по одной,
хоть ты моим словам внимаешь
и за бутылкой понимаешь,
что дух пивной еще не дно.

Блажен, кто верует...

Блажен, кто верует, а так ли счастлив он.
Его душа подвержена внушенью.
И без недостатка права на сомненье
блаженный отрок в жизни обречен.

Уж больно много в мире развелось
простых шакалов в образе пророка.
Одни страшат геенною до срока,
других в нирване видеть довелось.

И накрывает смрадная волна
людские толпы якобы блаженных.
И видит зло свое отображенье
на их делах, которым грош цена.

Удивительное начало

Как твою головку излечить?
Как души сомненья успокоить?
Я имею право лишь любить,
ты его должна бы узаконить.

Ты должна тревогу исключить,
к берегу счастливому причалить.
Музыка волшебная звучит
в нашем удивительном начале.

Воспоминание о лете

В прохладе северных широт
на ум приходит зной Анапы.
Под сенью пальмовых красот
я любовался Белой шляпой.

Потом с любимой выходил
на берег галечного пляжа.
В купании душу отводил,
питался солнышком палящим.

И слушал ласковый прибой,
прижавшись к жаждущему телу.
И дрожь манила за собой,
большой любви душа хотела...

...Но вдруг напомнил о себе
прохлады северный проказник.
Погода просит потерпеть,
не за горами южный праздник.

Доколь Земля носить нас будет?

Доколь Земля носить нас будет
и доверительно терпеть?
Когда вселенский гнев разбудит,
чтоб отомстить за бездну бед?

Уж сколько лет ее шпигуем
Снарядно — бомбовым дерьмом.
Взрываем степи и ликуем,
как будто тронуты умом.

Приводим реки к истощенью,
леса кромсаем на щепу.
И ждем от бога всепрощенья,
не изменяя мерзкий путь.

Остановитесь, вы же люди,
не злая тварь вас родила.
Добро теряется во блюде
и прикусило удила.

Снег скрипит...

Снег скрипит под сапогами,
душу веселит.
Милка страстными глазами
на меня глядит.

Зацелую я зазнобу,
завалю в сугроб.
Будем счастливы мы оба
без особых проб.

Отразится наше счастье
выемкой в снегу.
Я подобное участие
в сердце сберегу.

На юбилее

Заикину Юрию посвящается
Дружище мой, на юбилее
я убедился еще раз,
что в нашей жизненной аллее
нет места видам про запас.

Звучали тосты, звон бокалов
картинно души веселил.
В твой адрес шутки отпускались,
ты их улыбкой проводил.

И вдруг по-новому раскрылся,
забыв о хворях и годах.
Я будто вновь увидел крылья
в твоих натруженных руках.

Твой взгляд, хранящий человечность,
вдруг осветился озорством.
И этот взгляд запомнит вечность
в потомках, связанных родством.

Перед Крещением

Опять белесым покрывалом
укрыт петровский град.
Лучистых дней как не бывало,
но я и мраку рад.

Рисую солнечные блики
на стеклышке окна.
Стираю мрачные улики
с ночной оправы сна.

И жду морозного Крещенья
с купелью ледяной.
И верю, будет всепрощенье
погоде озорной.

И озарится солнцем небо
над Невскою губой.
И будет луч играть со снегом,
и запоем прибой.

Клубок воспоминаний

Я достаю клубок воспоминаний,
и он ведет в знакомые места.
Вот берег Волги, где делились снами.
Вот место встречи с чистого листа.

А вот беседка с первым поцелуем
и летний сад с гуляньем до утра.
А вот скамья, где под сияньем лунным
мы веселились будто бы вчера.

Мой Ярославль, родимая сторонка
с немой красой церковных куполов.
Я твой певец, а не поэт сторонний
с пустым набором залежалых слов.

Здесь мне знакома каждая тропинка,
и каждый дом по-доброму знаком.
Здесь я стараюсь сорные пылинки
сдувать открытым, бережным стихом.

Капризуля

На внучку я обиделся
за вечные капризы.
Сказал, что мне не нравятся
плаксивые сюрпризы.
Довел ее до садика
и молча распрощался.
На внучкин взгляд просительный
не дал большого шанса.
Весь день пыхтел и мучился,
стараясь разобраться.
А вечером упрямился
за внучкой собираться.
Уселся в кресло с книгою,
убрал с лица улыбку.
Решил встречать из садика
ее суровым ликом.
Приводит внучку бабушка,
в прихожей раздевает,

а я сижу за книгою
и, будто бы, читаю.
Но чувствую, что внученька
расстроена молчаньем.
Мириться просит бабушка,
а я не отвечаю.
И тут с глазами мокрыми
пришла ко мне подлиза.
Взглянула по-особому,
прижалась моськой лисьей.
Ну, как тут не расслабишься,
и как не приласкаешь.
Назвал я внучку лапушкой
и до сих пор ласкаю.

Обращение к читателю

Мой незнакомый друг,
читатель неизвестный.
Я понял и не вдруг,
что с Вами интересно.

Что каждый новый клик —
негласное знакомство.
И пусть не звездный миг,
но встреча с важным гостем.

Я искренне делюсь
душевым откровеньем.
И мысленно боюсь
любого снисхожденья.

Но солнечный ответ,
приветное участие
дают духовный свет
и толику на счастье.

Елочку на отдых

Я елку разбираю, кладу ее на полку.
Стараюсь, чтоб касалась иголочка к иголке.
Пускай она спокойно на полке отлежится
И, вместе с Новым годом, на праздник
возвратится.

Я вновь ее украшу гирляндами цветными,
игрушки разукрашу картинками смешными.
И буду ждать подарки от Дедушки Мороза.
Теперь я точно знаю ответы на вопросы.

Прощание Славянки

Марш на многие века, символ всей России.
С ним суровые года с мужеством сносили.
С ним прощались навсегда, думая о жизни,
и сжимали автомат с мыслью об Отчизне.

Раскрывался дух бойца в такт священным нотам.
И боролась вся страна до седьмого пота.
Замирал последний вздох с крайней каплей
 крови,
но в атаку наш солдат шел от обороны.

И пугал российский марш вражескую нечисть
от романских языков и других наречий.
Он вселял в сердца бойцов магию Победы.
С ним дубасили врагов прадеды и деды.

Доброе слово

Какое чудное значенье
имеют добрые слова.
От них приходит озаренье,
от них кружится голова.

Так уповайте на душевность
и не жалеете добрых слов.
Но не болейте всепрощеньем
с беспечным чтением основ.

И ваше слово отзовется
в любой измученной душе.
И благодарностью вернется,
или вернулось к вам уже.

Новый день

Новый день пришел в мой дом
с первыми лучами.
Небо синее кругом
птицы привечают.

Ну и что, что не поют
птицы в поднебесье.
Счастье ласточки несут
вслед за звездной песней.

Так и хочется раскрыть
нежные объятия.
И душевно говорить —
люди, мы же братья.

Сколько стран я повидал...

Сколько стран я повидал на своем веку.
Сколько солнца нахватал в призрачном раю.
Но под пенистый прибой я писал строку.
В ней Россию воспевал милую мою.

Слышал пальмовый закат мой сердечный стон.
Он к верхушкам улетал с мыслью о былом.
Под мерцанье южных звезд я мечтал о том,
чтобы снова увидеть питерский свой дом.

От тропических красот я бежал чуть свет
в край, где ночи иногда не темней, чем день.
Возвращаясь в Петербург, я шагал к Неве
и покой свой находил в северной воде.

Жмурки

Играют в жмурки внуки с дедом.
С утра играют до обеда.
И постоянно водит дед.
Скажите, в чем его секрет?

Секрет у деда очень прост,
у внуков есть на это спрос.
И дед старается, пыхтит,
сдаваться совесть не велит.

Он внуков в раз бы запятнал,
но риск обидеть их не мал.
И дед их ловит вновь и вновь,
такая дедова любовь.

Азартом светятся глаза,
звучат с надрывом голоса.
И слышен в доме звонкий смех,
игра проходит без помех.

Ночная канитель

Сон ушел из тела,
невозможно спать.
Нелегко без дела,
звезды стал считать.

Досчитал до сотни,
утомился глаз.
Кто-то стал спросонья
выть, как контрабас.

Тут же отозвался
за стеной сосед.
Мат его раздался,
заскрипел паркет.

И пошла по дому
грозная волна.
От людского стога
дрогнула стена.

Заходили блоки
в такт ночной возне.
Под людские склоки
сон пришел ко мне.

Слезливость

Слезливость не к лицу нормальному мужчине.
Но взрослые года слезливей молодых.
На склоне зрелых лет находятся причины,
когда колючий взгляд дает тебе под дых.

Выводит на слезу и доброе начало.
Купается в слезах сердечное тепло.
И ты своим слезам не друг и не начальник.
И с ними у тебя печальный монолог.

Но не стыдись слезы, она чиста по сути.
С ней ладит человек с открытою душой.
Ее короткий путь лежит через рассудок
и только иногда чрез жизненный устой.

В минуту скорби

Прижмись ко мне, моя родная,
почувствуй магию тепла.
Ознобом сердце утомляя,
печаль не смоешь до бела.

Слезами горю не поможешь,
и скорбь помадой не затрешь.
Взгляни на небо, образ божий,
ты с ним надежду обретешь.

Доченька моя

Милое создание, доченька моя.
Образ твой задумчивый в сердце у меня.
Я ловлю с улыбкою твой упрямый взгляд
и пытаюсь искренне заглянуть назад.

Там, у старой площади подрастала ты.
Бегала за бабочкой, нюхала цветы.
Пела про воробышка, что порхал в кустах,
и коровку божью грела на руках.

А потом приехала в ленинградский дождь,
подставляла личико, несмотря на дрожь.
И смеялась весело, глядя на меня.
Милое создание, доченька моя.

Поэма о любви XXI века

Застелю я постель из стихов
покрывалом любовной поэмы
без набора завистливых слов,
без какой либо заданной схемы.

Про любовь в небольшом городке
или в центре любимой столицы.
Может в самой короткой строке
ты увидишь знакомые лица.

В общем, жили в соседних домах
два ребенка в родительской ласке.
В их еще не окрепших умах
кучковались не русские сказки.

В этих сказках планетное зло
побеждало в губительных боях.

А добру, как всегда, не везло
в одичалых чудовищных войнах.

Повстречались два милых птенца
в шумном гомоне первого класса.
И решили дружить до конца
без попыток всеобщей огласки.

За косички он дергал ее,
она скромно ему улыбалась.
Как приятно им было вдвоем,
а, быть может, приятность казалась?

Ах, как долго тянулись года.
Им во взрослость хотелось умчаться.
Целовались тайком иногда,
даже мысленно в церкви венчались.

Но однажды коварный злодей
им подсунул паленые спайсы.
Удалились они от людей,
накурились дерьмовой напасти.

А впоследствии в бредовом дыму
отдались без сомненья друг другу.
Она честь подарила ему,
а он женщиной сделал подругу.

Очень долго страдала она,
запершись от родителей в спальне.

А мальчишка напился вина
не в компьютерном сне, а в реале.

А потом понеслось по кривой.
Он затих от последнего спайса.
И девчонки пронзительный вой
заглушил звуки нежного вальса.

И смотрела балконная тишь
на полет обреченного тела.
И летел с юной мамой малыш,
жизнь которого взять не хотела.

Вот такая поэма любви,
как укор XXI века.
В наше время возможно убить
иль с улыбкой пытаться человека.

Козни приятеля

Надел рубашку я вчера
не задом наперед,
но козни с самого утра
приятель приберег.
Он измывался надо мной
по всяким пустякам.
То осуждал мой водопой,
то бил мне по рукам.
И постоянно вызывал
на сладкий разговор.
А я ему почти не врал
и не вступал с ним в спор.
И только нехотя кивал,
взирая на стакан.
А он мне выпить не давал,
сидел, как истукан.

И разозлившись на него,
я плюнул и ушел.
Пускай поймет, как нелегко,
когда напарник зол.

Взгляд с речного крутояра

Я с речного крутояра
на Россию посмотрел.
И своим широким взглядом
весь простор не обозрел.

Ах, Россия ты, Россия,
необъятная земля.
Отдают небесной синью
васильковые поля.

Разливаются озера
по некошеным лугам.
Травянистые узоры
заскучали по стогам.

Кособокая деревня
навалилась на погост.
И не ясно, то ли дремлет,
то ли ждет великий пост.

Вижу дикое цветенье
и потрепанный забор.
От такого запустенья
опечалился мой взор.

Любовь и годы

Года тревожат тяжким грузом,
судьбе предписано стареть.
Они становятся обузой,
но их приходится терпеть.

А если свериться с душою,
то можно с ней помолодеть.
И сделать что-нибудь большое,
и песню звонкую пропеть.

И насладиться шумом ветра
во вновь поднятых парусах.
И пересилить скорость света,
заметив блеск в ее глазах.

Во многом женское участие
способно сердце ободрить.
Любовь дается нам для счастья,
а, значит, следует любить.

Сон при полной луне

Ночь насилует сознание
мертвой тишиной.
За окошком мирозданье
с полною луной.
Разноцветные виденья
лезут мне на ум.
Будто я, прервав сомненье,
посещаю ГУМ.
Одеваюсь по фартовой,
выхожу к Кремлю.
Здравствуй, летопись историй,
Здравствуй, стольный люд.
Из окна Владимир Путин
машет мне рукой.
Я страдаю на распутий,
потерял покой.
Но осилил напряжение,
прокричал УРА.

Мол, готов к Вам в услуженье
перейти с утра.

А зловредная супруга
подтолкнула в бок.

Я проснулся с перепугу
в неурочный срок.

Дом

Дом шестнадцатизэтажный
с сотнями окон.
Он стоит не эпатажно,
зреют судьбы в нем.
В нем живут простые люди
с перечнем забот.
Кто-то ест овес на блюде,
кто-то бутерброд.
Кто-то тешит чью-то старость,
кто-то счастье ждет.
У кого-то в доме радость,
у кого-то гнет.
Нет в нем общего призвания
и согласия нет.
Юность ставит на желанья,
старость на запрет.

Так живут у нас в России
тысячи домов.
Лишь бы небо было синим,
да приветным кров.

Общение с Волгой

Знаю, знаю, что вернусь я в родимый край.
Волге низко поклонюсь, только не ругай.
Я на невских берегах, радуясь судьбе,
в воду камушки бросал с мыслью о тебе.

Я стихи тебе писал трепетной строкой,
и вздохнув себя ругал за разрыв с тобой.
Вспоминал твою волну. Вспоминал не раз,
как ныряли в глубину, что бодрила нас.

А еще пологий спуск, что бежал к реке.
Мы катались по нему с милой налегке.
И беседку, что звала нежной белизной,
ту, что свахою была бурною весной.

Вот опять бросаю я камушки в Неву
и, взирая на круги, Волгою зову.
Волга — матушка моя, только не скучай,
знай, что я еще вернусь в мой родимый край.

Мысли вслух

Не тот интеллигент, кто с форсом носит шляпу
и смотрит сквозь людей в надменные очки.
Не тот, кто дар Земли кладет в карман и в лапу,
а с барского стола швыряет нам куски.

Не тот российский сын, кто ходит по Ордынке
и, видя древний Кремль, сжимает кулаки.
Не тот, кто ест пирог лишь с западной начинкой,
а есть российский хлеб бедняге не с руки.

Не тот наш патриот, кто мелет, что попало,
кто громче всех кричит с возвышенных трибун.
Не тот, кому служить Отчизне не пристало,
кому милей не мир, а бесконечный бунт.

И жаль, что до сих пор такие процветают,
что носит их досель российская земля.
Я знаю россиян, кто искренне желает,
чтоб эти упыри не встали у руля.

Гимн простому человеку

О простом человеке с надрывом не пишут.
О простом человеке вздох не кричат.
Для него не созрели охрана и «крыши»,
и ему ни к чему интернетовский чат.

Он без громких словес выполняет работу.
У него чувство долга в созвездии ген.
Он в труде не жалеет ни крови, ни пота
и от жизни не ждет золотых перемен.

Сочетанье прогресса с простым человеком
создает процветание целой страны.
И такое цветение может быть вечным,
если б не было кровавой войны.

Без солнца

Не видит солнце месяцами
Невой вскормленный Петербург.
Закрыто небо облаками
с крылом дождливо-снежных бурь.

Бледнеют смуглые Атланты,
утратив солнечный загар.
Они по-прежнему галантны,
их бледность тоже божий дар.

Святой собор Петра и Павла
горит не солнечным огнем.
Но быть унылым не пристало,
его величие при нем.

И он пытается пробиться
к истокам нежной синевы.
Стремятся в небо даже птицы
с гранита взбалмошной Невы.

Твой образ

Радугой на небе создан образ твой.
Излучает нежность, манит за собой.
Расправляет крылья за моей спиной.
Я сверяюсь с былью, тереблю покой.
Продолжаю песню, ту, что не допел.
Хорошо бы вместе эту песню спеть.
Но смеется с выси радуга — дуга.
Скопом прикрывают небо облака.

Птичка

Влетела птичка мне в окно.
Присела и запела.
Спустил я шторы полотно,
чтоб та не улетела.
Решил по-взрослому поймать,
упрятать птичку в клетку.
А та давай скорей летать
и бегать по паркету.
Гоняться я за ней устал
и сел в большое кресло.
Подумал, птичка не проста,
с ней будет интересно.
Вот только как ее поймать
и с нею подружится?
Быть может, клеткой не махать,
а дать воды напиться.
Налил я в блюдечко воды
и просом поделился.

Она мне спела за труды,
и я в нее влюбился.
Теперь живет она у нас
и песней душу греет.
Мы ждем вас в гости, и для вас
она пропеть сумеет.

О русской водке

О русской водке мало пишут,
а не писать о ней нельзя.
Она и в радость с нами дышит,
и в горе есть ее слеза.

Она за русским человеком
шагает в сцепке по горам.
И вместе с ним спешит за ветром,
чтоб предложить ему сто грамм.

Она с бойцом идет в атаку
и никогда не предает.
А если с кем ввязалась в драку,
просящим спуску не дает.

Зимой озябших согревает,
весной взрыхляет огород.
А летом праздники справляет,
встречает осени черед.

Без русской водки что за свадьба,
да и кручина не красна.
Я ей здоровья пожелал бы,
да только стопка не полна.

Игра в шахматы

Я с внуком в шахматы играю.
Его любимый белый цвет.
Он первым пешкою шагает,
а я конем ему в ответ.

И он с восторгом нападает,
с его пехотой сладу нет.
А я лишь скромно отступаю,
с улыбкой ем источник бед.

Слоны сцепились мертвой хваткой,
ладьи пускает внучек в ход.
Я знаю все его повадки,
решенья знаю наперед.

И он, конечно, попадает
с нехваткой времени в цейтнот.
Я с чистым сердцем предлагаю
ничью, и он ее дает.

Талантам

И сколько же талантов на Руси.
Им только дай свободой надышаться.
Увидят свет чудесные стихи
и рукоделье будет возрождаться.

Заколятся щедрые поля,
наступит эра творческих свершений.
И отдохнет уставшая земля
от не всегда продуманных решений.

И заживет российский человек,
как должен жить творец и победитель.
Дает России двадцать первый век
отличный шанс, и вы его берите.

Манит девичья чистота...

Накинул прозу на года
и засмотрелся на молодок.
Хожу в толпе туда-сюда
своей манерною походкой.

Манит девичья чистота
простой неброской красотой.
А макияжные цвета
меня совсем не беспокоят.

И зародился новый стих
о возрождений непорочных.
Надеюсь, бог меня простит
за дух, проверенный на прочность.

Деревня у обочины

Расселись на завалинке
два древних мужичка.
Один в потертых валенках
на худеньких ногах.
Другой в покрытых плесенью
армейских сапогах.
И было им не весело
в озвученных мечтах.

Один мечтал о странствии
в мир райский, неземной.
Другой о том, что раненько
им петь за упокой.
Один смахнул слезиночку
с небритого лица.
Другой таил смешиночку
до самого конца.

А осенью заснеженной
скончались мужички.
То было неизбежностью
в колдобинах тоски.
Деревня у обочины
склонила на погост.
Ни проводов, ни почестей,
лишь траурный вопрос.

Давайте вместе погрустим...

Давайте вместе погрустим.
Пусть Ваша грусть в мою вольется
и звонкой песней к Вам вернется,
сметая слезы на пути.

Пускай унылую печаль
смахнет веселая улыбка.
Взыграют солнечные блики
на Ваших худеньких плечах.

И вы поймете, как легко
идти на свет, держась за руки.
Исчезнет тень былой разлуки,
иль превратится в ничего.

Разговор с рассветом

Я с рассветом говорю, он меня не слышит.
Знай, лучами теребит и в затылок дышит.
Мне вставать сегодня лень, нежиться охота.
Но будильник говорит — следуй на работу.

Отвечаю я ему — в дом пришла суббота.
И какая в этот день может быть работа.
Мой будильник замолчал, знать признал ошибку.
Но проснулось все кругом, да и солнце щиплет.

Я протер свои глаза, сладко потянулся,
К теплым, солнечным лучам нежно прикоснулся.
Помахал в окно рукой, здравствуй день
 субботний.
Мне приветственный мотив рифмой петть охота.

Журчащий ручеек

Ручеек журчащий льется из любимых уст.
Я озвученные трели знаю наизусть.
Мне привычней сердцем слушать милые слова,
и улыбкой обозначить, что она права.

Но любовь должна ушами слушать комплимент.
Ей без пылкого признанья разговора нет.
И тогда я раскрываю чувственный багаж,
создаю своей певунье пылкий антураж.

В этом море нежной ласки слышен только бред.
А слова за криком страсти улетели вслед.
Два сердечных откровенья слил ночной Орфей.
Я услышал звук журчанья — нет тебя родней.

Младенческий полет

Я Россиюшку родную
вольной птицей облетел.
Пил медовую хмельную
и покрепче, что хотел.

Раскрывал свои объятья
перелескам и лугам.
И дарил рукопожатья
молодым и старикам.

Завлекал стихом молодок
на духмяный сеновал.
Не искал в пучине брода,
в преисподней пропадал.

Но обратно выбирался
на целительный большак.
Покаянью отдавался
не всерьез, а просто так.

И Россиюшка терпела
мой младенческий полет.
То ль журила, то ли пела
озорным журчаньем вод.
И за милое журчанье
я ее благодарю.
С поэтическим звучаньем
ей поклоны отдаю.

Мороз и солнце

До Петербурга в феврале мороз добрался.
Он не по-питерски колючим оказался.
Он колет градусом живое, неживое.
В кулак сжимает настроение и волю.

Отвыкли люди от такого обращенья.
Застыла пауза в принятии решенья.
Сосульки свесили замерзшие машины.
В умах водителей брожение мешанины.

И только радует восторженное солнце.
Оно заглядывает в каждое оконце.
Для Петербурга то визит желанной гостьи.
Ее у неба упросить не так-то просто.

Выставка Айвазовского

Я в корпус Бенуа не без труда прорвался.
Весь Петербург спешил попасть на юбилей.
Ступив через порог, я в море оказался
в компании больших и малых кораблей.

Сменялся легкий бриз на бешеные волны.
Свирепые ветра срывали паруса.
Уставшим морякам помочь я был не волен,
но искренне хотел поверить в чудеса.

Я на море встречал восходы и рассветы
и мысленно ходил по ласковой воде.
Сознание мое глушилось знойным ветром.
Полночный небосвод манил меня к звезде.

Попав в «Девятый вал», по-флотски чертыхался,
А щедрая «Волна» снесла меня на брег.
На мой протяжный крик художник отозвался,
и магией картин судьбу мою сберег.

Я кланяюсь тебе, великий мореписец,
за твой волшебный дар, что в залах увидал.
Увиденное мной важнее многих истин,
которые не раз я раньше познавал.

В морозную синь

Я весенним дыханьем подругу укрою.
Птичьим пеньем озвучу морозную синь.
Набежавшую грусть вдохновеньем настрою
и добавлю в орнамент красоты Руси.

И увидит она белокурую снежность,
что укрыла просторы родимой земли.
И проснется в сознании прежняя нежность,
что позволит душевную хворь удалить.

И зароется в снег озорная слезинка,
и опять оживут голубые глаза.
Мы сполна насладимся морозною синью
и сумеем друг другу о многом сказать.

Подергал за косичку

Подергал за косу девчонку,
она расщедрилась слезой.
А ведь недавно, словно чертик,
крутилась шустрой егозой.

Язык показывала длинный
за мой увесистый кулак.
И были веские причины,
чтоб я с косичкой сделал так.

Пускай не будет задавакой,
ее унять хватило сил.
Была б мальчишкой, я бы в драку
с ней по-мальчишески вступил.

Я б кулачищем так ударил,
что получился бы синяк.
А то лишь ножку ей подставил
и дернул косу просто так.

За то не стоит обижаться,
напрасно нюни распускать.
А, впрочем, мне девчонку жалко.
Ее, быть может, приласкать?

Мечтающим об агрессии

Не смейте кровью орошать
снарядом вспаханную землю.
Не смейте гнусно-лживым зельем
мою Отчизну оглашать.

Ушаты вашей мерзкой лжи
не стоят и частички крови.
С Россией, если не с любовью,
то с уважением нужно жить.

Она открыта для людей,
идуших к ней с открытым сердцем.
Не сейте мерзость по инерции
на пашню праведных идей.

И не ломитесь в мирный дом
с дубинкой злобного посыла.
В моей стране найдутся силы,
чтоб вам напомнить про Содом.

Почему нам жить спокойно не дают?

Почему нам жить спокойно не дают?
Почему картинно бряцают оружием?
Неужели всех потерь не сознают?
Неужели мир с Россией им не нужен?

Но ответов на вопросы лишь один —
всюду видится российская угроза.
Заправляет барышами господин,
у которого агония на грезы.

У которого раздел больших земель
застилает неизбежную реальность.
А желание Россию заиметь
превращается в бредовую банальность.

И с такими не получится дружить,
потому что их история не учит.
Нам всевышний предлагает не тужить,
но держать надежный щит на всякий случай.

Весенний февраль

Февраль с весной сдружился
и солнце пригласил.
Раскрылись в недрах жилы,
ручей заголосил.

И птичье щебетанье
округу веселит.
Приятное роптанье
поймавших ветер лип.

И солнечное небо
манит голубизной.
Вот не было бы снега,
укрыл бы землю зной.

Но снег еще сверкает
под солнечным лучом.
Как будто намекает,
весна тут не причем.

Сладкоежка ты моя...

Сладкоежка ты моя, шоколадка.
Я на сладости твои очень падкий.
За медовые уста озорницы
я отдам горящий тур за границу.

Прикоснувшись к вкусноте, зацелую.
Пропую в небесный храм аллилуйю.
И подхватят небеса песнопенье.
И простит мне бог мое нетерпенье.

Растворишься ты в горячих объятьях.
Станут ласковые вздохи приятней.
И дыхание любви будет сладким.
Сладкоежка ты моя, шоколадка.

Я в глазах твоих читаю...

Я в глазах твоих читаю
повесть, полную любви.
Очень бережно листаю,
вняв желанию любить.

В ней волнующие краски
и душевные слова.
В ней бушующие страсти.
Их приятно познавать.

Я готов такую повесть
перечитывать не раз.
О сюжете мне напомнят
откровенья твоих глаз.

Сожаление

Есть счастливики на свете.
Не жалеют ни о чем.
За довольство тем и этим
платят завтрашним рублем.

Настоящее не ценят
и о прошлом не скорбят.
Их спокойствие бесценно,
так порою говорят.

А вот я, копаясь в прошлом,
вспоминаю сквозь года,
как обидой в маму бросил
и подумал — ерунда.

Как девчонку-недотрогу
постеснялся приобнять.
И не смог, умерив робость,
взгляд девчоночий понять.

Как у старого колодца
не помог набрать воды
старику, чье сердце бьется
в такт осколку от войны.

Как за правду не вступился,
а за кривду постоял.
Как до одури напился
и кого-то обругал.

Вот об этом сожалею
и подчас себя корю.
Но иначе не умею,
потому, что жизнь люблю.

Апельсин

Я вручил сегодня внуку
золотистый апельсин.
Взял он фрукт заморский в руку
и придирчиво спросил —
сладкий он или не сладкий,
есть ли косточки внутри?
У меня потухла радость —
вот очисти и посмотри.
Шоколадную конфетку
я, конечно, не вручил.
Ни спасибо, ни привета
я за фрукт не получил.

Тряпка

По жизни тряпка нам нужна.
В ее услугах есть приятность.
И только в том ее вина,
что просит право на приватность.

А жить приватно, без руки
трудяге-тряпке невозможно.
И чертит, бедная, круги
по пыльной кухне осторожно.

Стирает потная рука
притихшей тряпкой пыль с окошка.
И пальцы мнут ее бока,
и мнут совсем не понарошку.

От грязных рук покоя нет,
ее тиранят и швыряют.
На все желания запрет.
На праздник в нишу убирают.

Как видим, жизнь ее трудна.
Ей в этом мире очень зябко.
Но суть премудрости одна —
Смелее в жизнь, не будьте тряпкой.

Прелесть ромansa

Слова печальные с гитарною струной
волнуют душу, заставляя ее плакать.
Они звучат в тиши под полною луной
без постных прелестей ненужного аншлага.

И только звезды собираются в ночи,
заполнив таинство небесного партера.
Ах, как волшебно откровение звучит.
Ах, как приятны пожелания Венеры.

И возрождается отложенный роман,
двух милых ангелов, которые страдали.
И не смолкает полюбившийся романс,
слова которого с любовью зазвучали.

Ночной романс

Мне в ночной тишине подмигнула звезда.
От тревоживших дум не осталось следа.
Я нашел, что искал, на гитарной струне
и улыбку твою рассмотрел на Луне.

От восторженных слов захлебнулась душа.
Я пропел в небеса — как же жизнь хороша.
Мой несложный мотив подхватил небосвод,
и озерную гладь озарил рябью вод.

Не осталось следа от ночной тишины.
Отозвался рассвет позывными весны.
И скользнул тонкий луч по прохладе струны.
И пропела струна, что мы вновь влюблены.

Внучке целых три

День рожденья Сонечки,
ей сегодня три.
Вся она, как солнышко,
только посмотри.
Праздничное платьишко
цвета нежных роз.
Нет причин для плаканья,
нет вчерашних слез.
Гости восхищаются,
мамочка цветет.
А она старается,
песенки поет.
А потом за столиком
гасит три свечи.
Ей еще бы столечко,
но луна в ночи.

Все подарки дарены,
гости разошлись.
С маленькой — удаленькой
куклы улеглись.

Музыка любви

Музыка любви ласкает уши.
Музыку любви готов я слушать.
Чувства отдаю волшебным нотам.
Верю и люблю без всякой квоты.

Слышу я ее в цветении весен.
Чувствую ее, шагая в осень.
Радует меня звучанье лета.
Зимний снегопад играет светом.

Дождик веселит любовным ритмом.
Вижу этот мир теплом залитым.
Бегаю босой по летним лужам
и кричу — любовь, тебе я нужен.

Звон колоколов зовет к признанью.
Где же ты мое очарованье?
Музыка любви выводит к счастью.
В музыке любви аккорды страсти.

Колокола

Колокола — глашатаи России.
Их сводный брат — малиновый рассвет.
Они звонят, и манит небо синью.
И льется в мир моей Отчизны свет.

Их перезвон сиянием украшен.
Златым огнем сияют купола.
Их перезвоном право на бесстрашье
дает сынам российская земля.

Колокола по праздникам ликуют,
а в трудный час набатами звучат.
Кто к звону глух, тот верою рискует.
Нам глухоту не стоит привечать.

На кладбище

Тиранит снег кладбищенская тишь.
Свербит печаль присыпанных надгробий.
Ты с одного из них на нас глядишь,
укутав взгляд в нахмуренные брови.

Года вдавили мрамор в постамент.
На этот час их стало девятнадцать.
Прощупал надпись ветер перемен,
и ей пришлось насилью поддаться.

Звучали вновь унылые слова.
Металась скорбь над снежной могилой.
И оттого склонилась голова,
больное сердце бешено забилося.

Страдания

Оттого моя душа опечалилась,
что любимая внезапно отчалила.
Я увидел пару строчек в записочке,
что любовь моя была ею списана.

Ею списана была и размножена.
Песни сердца моего растаможены.
И звучат теперь они по окраинам.
И скитаюсь я в ночи словно раненый.

Словно раненый брожу я по Питеру.
Песню нудную мычу, чтоб забыть ее.
Только внешняя любовь не забудется.
Все, что виделось в мечтах, ох, не сбудется.

Ручки-загребучки

Есть такая девочка, маленькая внучка.
Что увидит, загребает ручкой-загребучкой.
Прячет бабушка от внучки разные вещички.
Ну, а внучка дом обходит, что еще стащить бы.
Только стоит отвернуться, как пропали спицы.
Внучка тащит их на кухню, чтоб с розеткой
слиться.

Хорошо, что дед увидел и поймал за ручку.
Уберег от злого тока маленькую внучку.
Но на кухне есть ножи, вот бы их потрогать.
Только дед и тут вмещался, преградил дорогу.
Внучка в спальню ушла и вернулась красной.
Вся помада проявилась на щеках прекрасной.
Телек дед хотел включить, ищет, пульта нету.
Внучка пульт ему вручает только за конфету.
Вот такая шустрая маленькая внучка.
Ей покоя не дают ручки-загребучки.

Расставание

Не отторгай мои желанья.
Они приятны и чисты.
Продли минуты расставанья.
Не убивай моей мечты.

Неугомонно сердце бьется.
Ты мне по-прежнему близка.
Но неподвижной остается
в моей руке твоя рука.

И тень бессмысленной разлуки
легла на бледное лицо.
Я обречен тобой на муки.
Так уходи, в конце концов.

Так уходи, не мучай взглядом.
Своим дыханьем не тревожь.
В моей душе ты будешь рядом.
И это правда, а не ложь.

Я к Вам спешил...

Я к Вам спешил в порыве нежности.
Я Вас спешил боготворить.
Хотел ласкать своей безбрежностью
и до безумия любить.

Но встретил взгляд с надменной просинью,
прочел в глазах холодный блеск.
Огонь души представил осени,
сбежав от Вас в знакомый лес.

А там береза золотистая
смогла унять мою печаль.
Играла вальс своими листьями,
и было времени не жаль.

И сердце в танце раззадорилось,
и успокоилась душа.
Моим стихам деревья вторили
и ветер, листьями шурша.

Прощеное воскресенье

Звучало в трубку в воскресенье —
прости, прости меня, прости.
Все нарывались на прощенье
с желаньем и меня простить.

Я без сомнения прощал их,
не понимая просьбы суть.
И точно знал, счастливей стали
все те, кто верит в божий суд.

И пусть я в божий суд не верю,
но с божьей верою живу.
И мне не в ад откроют двери,
а в кущи рая призовут.

Начало марта

Пришла весна и щедрым солнцем
родную землю обняла.
Повис над нами синий зонтик,
зима который прибрала.

Волнует музыка капли.
Сливаясь с пением ручьев,
она заводит птичьи трели
стараньем местных воробьев.

В напев включаются вороны,
дразня округу звонким КАР.
Стремятся ввысь деревьев кроны.
Весна для них как божий дар.

Зима надолго не простилась,
по вечерам наводит жуть.
И тает зимняя подстилка,
совсем немного, по чуть-чуть.

Пленительная сваха

Набухают почки у сирени.
Разлилось весеннее тепло.
Распахнулись офисные сени.
У коллег общенье зацвело.

И полезли щепки друг на друга
по теченью жизненных ручьев.
Улыбнулась милая подруга,
и приятель нежиться готов.

Ах, весна, пленительная сваха.
Ты умеешь чувства растопить.
Без потуг божественного Вакха
ты даешь возможность полюбить.

И покуда почки набухают,
и ручьи весенние звенят,
песнь любви в садах не умолкает,
и биенье страсти не унять.

Весенние мысли

Мне в старческое рубище
не стоит облачаться.
Со шпилей Петербурга
вдруг повеяло весной.
Пора махнуть из города,
с природой пообщаться.
И встретиться под солнышком
с березою — красой.

Но трудно быть соперником
ласкающего ветра.
Еще трудней оправдывать
свой зимний неприезд.
Мне хочется надеяться
на ласковость ответа,
и я начну общение
с веселого «Привет».

Дымка

И опять укутан дымкой
мой любимый Петербург.
Без небесных бдений солнца
не спешит весенний спурт.

Обленился ветер южный,
не сгоняет облака.
На унылые просторы
смотрит серость свысока.

Вот и я, вдыхая серость,
отложил свое перо.
Не горю желаньем сделать
стихотворное добро.

Смотрю на мир...

Смотрю на мир глазами внука
и вижу радужную даль.
Мой слабый слух ласкают звуки,
которых в детстве бог не дал.

Я слышу в них дыхание моря
и шепот утренней зари
без грозных нот чужого горя,
с большим желаньем воспарить.

И это доброе виденье
мне в жизни силы придает.
И я уверен в возрожденье
всего, что счастье принесет.

Представит новь моя Россия.
Цветок достоинств оживет.
И в стиле русского курсива
земная летопись пойдет.

Дожив до старческих седин...

Дожив до старческих седин,
я слов на ветер не бросаю.
Я каждой строчке господин,
и слову каждому хозяин.

Я мысль свою через себя
с большим почтеньем пропускаю.
И в полный рост людей любя,
обидных фраз не допускаю.

Несет сердечное тепло
моя восторженная рифма.
Хочу, чтоб счастье зацвело
под звуки праздничного ритма.

Первый юбилей

Сегодня внуку десять лет.
Не год, не два, а целых десять.
Он папин вылитый портрет,
и оттого родитель весел.

Внук как-то сразу повзрослел.
В глазах не детская искринка.
Он в меру добр и в меру смел.
В дому не слышно его крика.

Для младших он — большой пример.
Где внук играет, там порядок.
Ему не нужно грозных мер.
Послушны все, когда он рядом.

А может это все не так,
и нам привиделось взросленье?
Но ДЕСЯТЬ — это не пустяк,
а юбилейный День рожденья.

Я невским воздухом дышал

У древних стен Петра и Павла
я невским воздухом дышал.
В уме историю листал,
какую время потрепало.

Работный люд мне бил поклоны,
Великий Петр рукой махал.
Напротив Зимний выступал,
дразня Ростральные колонны.

У биржевого постамента
сдавали грузы корабли.
Их караваны дальше шли,
к портам другого континента.

Был слышен звук колоколов,
оповещавших об обедне.
Манил собор церковным пеньем,
летала песнь поверх голов.

И эта песня не пропала,
ее я в память записал,
покуда воздухом дышал
у древних стен Петра и Павла.

Весенний дождь

Смурное небо Петербурга.
И дождь смывает все следы.
Зима взяла с собою бури.
Весна добавила воды.

По дням морозным небо плачет.
А мне приятнее тепло.
Я достаю из шкафа плащик.
Ему сегодня повезло.

Он весь сезон висел в потемках
и вот теперь увидел свет.
И пусть не слышно песен звонких,
но снят весной на них запрет.

Весенний дождь пьянит рассудок,
меня на улицу зовет.
Пройдут дожди, и светлым утром
мой город песню запоет.

Лошадка с крыльями

Лошадка с крыльями стоит на мониторе.
Совсем малюсенькая, ростом с пяточок.
Пускай стоит себе, я с внучкою не спорю.
Она, хитрющая, присела под бочок.

Вот только мне теперь особая задача —
писать по-взрослому, но детские стихи.
И не дает мне внучка прав на неудачу.
Пегасик маленький — ее коронный хит.

Теперь следит за мной Пегасик с монитора,
и я писать невнятной рифмой не могу.
Пойду искать за внучкой детские истории
и обязательно чего-нибудь найду.

Мартовская туманность

В туманном море растворились
машины, люди и дома.
В гнездовьях птицы притаились —
ужель закончилась зима?
Туман ползет по бездорожью,
в ночи не брезгует ничем.
Но где-то близко день погожий
с сияньем солнечных лучей.
Бодрит весенняя туманность,
за ней нам видится капель.
И если март с теплом обманет,
то вся надежда на апрель.

Лунная соната

Звучит Бетховен, Лунная соната,
и я один на сонном берегу.
Вдыхаю ритм ночного циферблата
и надышаться ночью не могу.

Передо мною лунная полоска
играет нежно с трепетной волной.
Гирлянды звезд, как сказочную роскошь,
перебираю мысленно рукой.

Я ощущаю звук, дающий нежность
и наслаждение страждущей душе.
И возникает женщина — надежда
в моем помятом жизнью витраже.

И вырастают творческие крылья.
И я над лунной негою лечу.
Моим стихам созвездия открылись.
И для них быть искренним хочу.

Любимой

Я осыплю цветами твое изголовье.
Вместе с нежным Орфеем промолвлю стихи.
В них сердечным теплом дышит каждое слово.
В них весенняя музыка каждой строки.

Я хочу, чтоб заботы с тобою расстались,
чтоб коснулся Морфей тебя сонным крылом.
Ночь смахнет темнотой временную усталость
и наполнит блаженством твой сказочный дом.

Памяти жертв теракта

Дошел террор до Петербурга,
прокрался в жизненный поток.
Пронзил сердца смертельным буром,
озвучил скорбный монолог.

Приспущен флаг счастливой жизни.
Слезами полнится Нева.
В аллеях символа Отчизны
склонились даже деревья.

Не слышно пения Фонтанки
со звоном вешних ручейков.
Погибших хладные останки
уводят память в глубь веков.

И эта память нам внушает —
не сдастся гордый Петербург.
А с неба ангел оглашает
проклятье сеятелям бурь.

Назойливый мрак

Набухли почки, а листвы не видно
Ее пугает сумрачность погод.
За милый край и больно, и обидно.
Его пытается мрак который год.

Терзает землю мокрая поземка.
Борей сердитый лупит по глазам.
Его коллега в образе бесенка
гоняет с визгом листья по углам.

И облака, как загнанные звери,
кусают влагой сонные луга.
Я тороплюсь закрыть пред мраком двери,
но не дает всесильная рука.

Не убедить коварную природу,
не защитить любимые места.
Но видит бог, грешить на непогоду
нам не дает родная красота.

Страшный сон лентяя

К комоду ручку прикрутил,
в дверях замок исправил,
в прихожей лампочку вкрутил
и тумбочку поставил.

Убрал все лишнее с окон,
полил цветы в горшочках,
белье повесил на балкон
из мокрого мешочка.

Покрасил скол в углу стола,
палас пропылесосил.
Отмыл посуду добела
и мусор в урну бросил.

Но больше сделать не успел,
проснулся в одночасье.
Лежать в тенечке не у дел,
вот истинное счастье.

XXI век

Жестокий век ворвался в жизненный поток.
Он дал свободу не игрушечным ракетам.
А у ракет с начинкой заданный итог —
они настроены на пирову победу.

Нас без согласия вернули в рабский век.
Судеб вершители бахвалятся рабами.
Товаром значитсЯ безвольный человек,
и нет причины канителиться с гробами.

В побитой Африке шевелится земля,
росточки жизни прорываются наружу.
Но их приказано безмерно истреблять
не просто пулей, а химическим оружием.

Так неужели голос разума ослаб,
и Homo sapiens сроднился с дикарями?
Сплотитесь люди против ядерного зла
и защитите мир реальными делами.

Апрельская поземка

Опять нахохлилась береза,
проделки ветра испытав.
Свежо дыхание мороза,
и снежный вихрь ему под стать.

Гудит апрельская поземка,
трясет вихрами по полям.
Полным-полна ее котомка,
и нет конца ее делам.

За белой мглой не видно неба.
Пропал за снегом горизонт.
Апрельский дождь сегодня небыль,
а теплый полдень, только сон.

Не пачкай жизнь

Не пачкай жизнь, она бесценна
И нам дается только раз.
Ее улыбкою укрась
И сделай самой сокровенной.

Своим душевным созиданьем
Укутай жизненный родник.
Он с божьей помощью возник
В эпоху благостных мечтаний.

И ты последуй за мечтами,
И не сворачивай с пути.
Вперед с надеждою иди
И покоряй любые дали.

Пропавший щенок

Пушистый маленький щенок
Сбежал из дома утром ранним.
Его хозяйка сбилась с ног.
Щенок был милым и желанным.

Она обегала весь двор,
Искала в каждой подворотне.
Залезла даже на забор,
Хоть это было так не просто.

Нигде не встретила щенка.
Он как сквозь землю провалился.
Из глаз слезливая река
Который раз пыталась литься.

Весь город с просьбою найти
Накрыла масса объявлений.
И принялись щенков нести
Хозяйке с чувством сожаленья.

Несли щеночков целый год
От пекинеса и до лайки.
Но только не было того,
Который был милей хозяйке.

Благодарю

За добрый взгляд и милую улыбку
не устаю тебя благодарить.
Еще вчера любовь казалась зыбкой,
а вот теперь мне хочется любить.

А вот теперь мне хочется украсить
любовной рифмой каждую строку.
И никогда то чувство не угаснет.
Я это чувство в сердце сберегу.

Шестнадцать

Земля сирийская горела.
От взрывов плавился песок.
Шестнадцать были под обстрелом
стволов не менее трехсот.

Они сражались двое суток,
храня российский триколор.
Бурлил разгневанный рассудок
от сотен выстрелов в упор.

И учащенно сердце билось
в груди у каждого бойца.
Отвага предков осветила
итог победного конца.

И встали в рост под небом Сирии,
неся живительную новь,
шестнадцать воинов России,
шестнадцать доблестных сынов.

Котенок и шарик

Котенок шарик увидал,
подполз к нему, понюхал.
Тихонько лапкою поддал
и чесанул за ухом.
Какой же легкий агрегат
и вовсе не кусачий.
С ним даже можно поиграть
и не получишь сдачи.
Он снова лапкой озорной
до шарика коснулся.
Тот подлетел, как заводной,
и тихо вниз вернулся.
И стал по комнате гонять
котенок легкий шарик.
Его азарта не унять,
какой послушный шарик.
Но вдруг колючий коготок
до шарика коснулся.

Раздался в комнате хлопок,
и шарик тут же сдулся.
Котенок в страхе отскочил,
разрыва испугался.
Потом на тумбочку вскочил,
да так там и остался.

В лицее искусств

Снуют гитары с домрами,
порхают балеринки,
Из классов вырывается
созвучие хоров.

Рапсодии сливаются
с могучей силой Глинки,
и в душах раскрывается
соцветие миров.

Здесь детство любопытное
и юность озорная
октавами общаются
и держат интервал.
Миноры за мажорами,
усталости не зная,
уводят песни с танцами
в божественный астрал.

И столько счастья звонкого
кружится над лицеем,
что впору влиться в пение
волшебных голосов.
И бесконечно радуют
поставленные цели
еще не ставших примамы
и будущих басов.

Ветру

Что ж ты ветер землю треплешь?
Что ж ты мучаешь людей,
а зверье приводишь в трепет,
словно конченный злодей?

От твоих потуг настырных
разлохматились кусты.
Стали улицы пустынные
без радушной суеты.

Стихли детские площадки,
только слышен скрип тесин.
Да у плюшевой лошадки
хвост от ветра парусит.

Твой разбой нам опостылел,
не круши, а создай.
Поубавь свою настырность
или вовсе улетай.

Футбольный мяч

У Гоши был футбольный мяч.
Он в детстве с ним не расставался.
Он с ним ложился, просыпался
и поутру спешил на матч.

Он даже в садик мячик брал,
но поиграть не разрешали.
Наш Гоша мучился в печали,
а мячик в шкафчике скучал.

Зато с дружками во дворе
гонял он мяч без остановки.
Картинно хвастался сноровкой,
а в мыслях думал о голе.

И мячик Гоше помогал,
послушно на ногу ложился
и через миг в ворота бился,
а Гоша в танце ликовал.

И вот случилось как-то раз —
наш мяч на гвоздик напоролся.
И, если б только укололся,
но он спустился в тот же час.

Играть со спущенным мячом,
конечно, было невозможно.
Был взят наш мячик осторожно
и в кладовую заключен.

Теперь томится этот мяч
в утробе маленькой кладовки.
А Гоша бьет на тренировках
красивой бутсой мяч — фирмач.

Болтунишка- хвастунишка

В одном российском городке
жил-был хвастливый болтунишка.
Совсем не слабого умишка,
но ложь была на языке.

Он врал налево и направо
в кругу семьи и у друзей.
Им восхищался ротозей
и никогда его не правил.

Хвастун не в меру распалился,
совсем о правде позабыл.
И на его хвастливый пыл
никто до времени не злился.

Но как-то в парке повстречался
мальчишке странный старичок.

И развязать свой язычок
хвастун пред старцем расстарался.

Почуяв доброе участие,
он распалялся целый час.
Его словесный выкрутас
седого старца опечалил.

Тот удалился, не простившись,
но подарив недобрый взгляд.
Словесный кончился заряд,
настало время для затишья.

Но сил хватило ненадолго,
хвастун о взгляде позабыл.
Опять сменилась ложью быль.
Во лжи той было мало толку.

Хвастун то хрюкал по-свинячьи,
то рыком воздух сотрясал,
то писком всех оповещал,
то выступал по-лягушачьи.

И только правда выходила
из уст понятным языком.
А вам с подобным хвастуном
встречаться в жизни приходилось?

Одуванчик

Желтым цветом одуванчик вышел на поля.
Под зеленым покрывалом нежится земля.
Словно солнышко золотое разлилось окрест
и уводит позолотой в таинство невест.

Золотистые веночки девушкам к лицу.
Знак заветного желанья на пути к венцу.
А когда в сердцах созреет лучик красоты,
Одуванчик белым пухом скрасит их мечты.

Белая черемуха

Белым-бела черемуха
с оттенком новизны.
Но только веет холодом
от этой белизны.
Невестой несговорчивой
черемуха стоит,
а ветер в косах свадебных
без устали гудит.
И треплет хладом северным
черемуховый цвет.
Прическа разлохматилась,
а милого все нет.
К березовой сердечности
прибился юный клен.
И ветками зелеными
березку обнял он.

А белая черемуха
страдает в холодке.
Забыл ее миленочек
в далеком далеке.

Встреча с белкой

Я орешки берегу, я за белочкой бегу.
Ну, а белка от меня скачет, словно от огня.
Я кричу ей — подожди, а она глазком следит.
И бежит скорей к сосне, как за ней угнаться мне?
Я от гонки запыхался, отдохнул, с умом собрался.
Возле сосенки присел, белке песенку пропел.
На проказницу взглянул, ей орешек протянул.
Белка с сосенки спустилась и орешек прихватила.
Отбежала за сосну, съела порцию одну.
Посидев невдалеке, вновь пришла к моей руке.
Взяв орех, к сосне вернулась, от прохожих
отвернулась,
Прикопала под сосной, не советуясь со мной.
Я обиделся на белку, вредность вырвалась
из тела.

Только мама мне сказала — белке нужно очень
мало.

Остальное белка спрячет, это место обозначит,
А потом к нему вернется и орешков нагрызется.
Вредность я тогда прибрал и орешков белке дал.

Июньский град

Мокнет детская площадка,
нет веселой детворы.
Стынет мокрая лошадка,
ей сейчас не до игры.

Дождь сменяет крупным градом.
Слышен громкий перестук.
Унесло с площадки радость,
стало грустным все вокруг.

И скучают у окошек
озорные малыши.
Им бы солнышка в лукошко,
да безветренной тиши.

Но стучит июньским градом
непогода в их дома.
Хорошо, что мамы рядом
в непростые времена.

Солнечные цветы

В поле одуванчики греются на солнышке,
так как злато солнышко вышло из-под
бревнышка.
Греются и радуют солнечной палитрою.
Поле улыбается, золотом залитое.
На ночь одуванчики сонно закрываются
и в прохладной темени дружно высыпаются.
Солнышко появится, снова раскрываются.
Смотрят в небо синее, скромно наслаждаются.
А нагреет травушку солнышко лучистое,
Станут одуванчики белыми, пушистыми.
Белы парашютики разлетятся по ветру.
И земные просеки солнышком заполнятся.

Несчастный человек

С глазами завидушими, с руками загребушими
родился поздним вечером несчастный человек.
Живя в селе Завидово, он рос и всем завидовал.
Роились только зАвидки в немытой голове.

Глазищи завидушие не ведали усталости.
Они повсюду зыркали, искали, что хватить.
А ручки загребушие, сначала вроде шалости,
потом и по инерции пытались ухватить.

Хватали ручки вредные игрушки и вкуснятину.
Конфетки и печение съедались в тот же миг.
И вылилось впоследствии в любимое занятие —
что глазками замечено, то ручками возьми.

Таких по всей Россиюшке немало нарождается.
Растут из них завистники, хапуги и рвачи.
Но, несмотря на ханжество, Россия возрождается.
Без щучьего веления и Ваньки на печи.

Сон или не сон

Забрел Денис в дремучий лес,
Набрел на тысячу чудес.
Там львы водили хоровод,
Держали ели небосвод.
Крутилась белка в колесе,
Слагала сказки о весне.
Зайчата кучкой собрались
И с серым волком подрались.
Стучали дятлы на зверей
Совсем как люди на людей.
По лесу бегала лиса
Ужасно воя в небеса.
А обезумевший бобер
У местной выдры шубку спер.
Там пели птицы на кустах.
Светились ноты на листьях.
Денис попробовал уйти,
Но встал ежонок на пути.

Колючки вздыбились на нем,
И стало страшно даже днем.
Застряли в горле все слова,
И закружилась голова.
Денис на корточки присел
И сделал вид, что заболел.
Но, невзирая на болезнь,
Ему на спину ворон влез.
Он для порядка поклевал
И что-то в ухо прошептал.
Потом взмахнул своим крылом,
Помчал Дениса в отчий дом.
А там ждала его кровать,
В какую он ложился спать.
Признав родные голоса,
Открыл он сонные глаза,
В ушах его был слышен звон.
Звенело — сон или не сон.

Непогода

Тоска выкручивает руки,
Покинуть душу не спешит.
Ну, как сносить такие муки,
Когда погода тормошит.

Когда холодными ветрами
Всерьез насилует страну.
Когда студеными дождями
Рисует лужу не одну.

Настырный ливень гасит пламя
В моей простуженной груди.
Сдается Музе на закланье
Все то, что было позади.

А впереди сплошная серость
С тягучим питерским дождем
И лишь одна лампадка веры,
Что освещает отчий дом.

Дождинка

Дождинка в облаке висела.
Вдруг сорвалась и полетела.
Летит и песенку поет
Про то, как весело живет.
Но только песню не допела.
В тумане Землю разглядела.
А та стремительно несется.
Наверно встретиться придется.
Ну, так и есть, трудна посадка.
С Землею встретиться не сладко.
Влилась дождинка в ручеек
И поплыла с ним на восток.
Плывет и смотрит на окрестность.
Довольно сумрачное место.
Но только солнышко взошло
Округу золотом зажгло.
Повсюду зайчики резвятся.
С дождинкой пробуют играть.

Дождинка с радостью играет
До бурной речки доплывает.
И вот плывет по горной речке,
Смотря на новые местечки.
Но на камнях бурлит поток.
Каменья бьют дождинке в бок.
И вдруг, какая благодать,
Случилось море увидеть.
Влилась дождинка с речкой в море.
Прощайте каменные горы.
Вот только воды солонны
На гребне солнечной волны.
И зашумел морской прибой,
Забрав дождинку за собой.
Плывет теперь дождинка та,
Смотря подводные места.
И сожалеет лишь о том,
Что не падет с небес дождем.

Я — Россия

Накрыл надеждой триколор родную землю.
Уходит в прошлое лакейская боязнь.
Бурлит восторгами разросшаяся зелень.
Служенье Родине — почет, а не сарказм.

И я шагаю вместе с гордою Россией,
соприкасаясь в думах с дружеским плечом.
И в том плече я вижу правду доброй силы,
и раскрываюсь поэтическим ключом.

Для воспевания величия Отчизны
я не жалею восхитительных слогов.
А, если надо, поделюсь с Россией жизнью,
чтоб оградить ее границы от врагов.

Кораблик

Ручеек журчал игриво.
Плыл кораблик по нему.
Плыл, да разве это диво,
Если плыл он ни к чему.
В ручеек его забросил
Витька Квасов интриган.
Он забрал его без спросу,
Как отпетый хулиган.
Во дворе Сережка плакал,
Потеряв кораблик свой.
А Наташенька, кривляка,
Подняла смешливый вой.
Лишь собачка не смеялась
Над Сережкиной бедой,
За корабликом сбежала,
Принесла его с собой.

И не зря она старалась,
Ловко справившись с бедой.
Ведь поплыл теперь кораблик
За Сережиной мечтой.

Катенька

Глаза улыбчивой девчонки
Меня находят каждый раз
И с теплотой, без всяких фраз
Со мной общение заводят.

Они о многом говорят
И не таят свои желанья.
И я польщен таким вниманьем.
Ей отвечать безмерно рад.

Какие чистые глаза.
Какое детское лукавство.
Души бесценное лекарство
Моя девчонка-егоза.

Люблю

Люблю я русское звучанье
еще не скошенной травы.
Люблю и птичье щебетанье
на фоне нежной синевы.

Еще люблю общаться с лесом,
вбирая мудрую печаль.
Люблю смывать людскую плесень,
нырнув в озерную вуаль.

К росткам природным прикасаюсь,
их по сыновьему любя.
И той любовью очищаюсь,
Россия милая моя.

Общение с природой

Сена запахи медовые.
Шелест утренней листвы.
Каждый кустик пахнет сдобой.
Каждый чибис манит ввысь.

Я иду тропой проселочной
к голубому роднику.
Из-за леса всходит солнышко.
Быть хорошему деньку.

Восхищаюсь росяницею,
что искрится на траве.
Развеселою страницей
пляшут мысли в голове.

Я общаюсь с малой родиной
рифмой благостных слогов.
От общения с природою
вновь взыграла в жилах кровь.

Жук-злодей

В одном загадочном лесу
завелся страшный жук.
Носил он саблю на весу,
в глазах бесилась жуть.
Бежали звери от него,
как будто от огня.
С собой не брали ничего,
спасались в свете дня.
А жук от злобы не щадил
ни малых, ни больших.
Он острой саблею сразил
здоровых и больных.
И вот не стало в том лесу
ни птичек, ни зверей.
А жук не выпустил слезу.
Какой же он злодей.

Люблю читать...

Люблю читать в твоих глазах
поэму детских восхищений
с налетом искренних волнений,
с искрящей нежностью в слезах.

И слезы эти не от бед,
а от душевного участия,
что нам дает большое счастье
и перспективу многих лет.

Смотри, любимая, на мир
и безудстанно восхищайся.
Любовь дает большие шансы
продлить на век счастливый миг.

Сбылась моя мечта

Сбылась моя мечта.
Сбылись мои надежды.
Знакомые места,
но жизнь не будет прежней.

Сдана в ломбард хандра
с мазками серых красок.
Дождлся я утра,
где нет фальшивых масок.

Где вижу милый взгляд
и искренние чувства.
Где пламенный заряд
любовного искусства.

Я загасил свечу
своей душевной боли
и больше не хочу
надкусанной свободы.

Чувства рвутся из души

Чувства рвутся из души.
Мысли греют сердце.
Я не в силах заглушить
Радостное скерцо.
Расцветает жизнь моя
под любовным сводом.
Светит жизненный маяк
даже в непогоду.
Заглянув в твои глаза
я ныряю в нежность.
Кто-то верит в чудеса,
я в любви безбрежность.
И в столице, и в глуши
с трепетным усердьем.
Чувства рвутся из души.
Мысли греют сердце.

Шмыгалкин

Мы с приятелем сидим
и ногами дрыгаем.
Я тихонечко сажу,
мой приятель шмыгает.
Шмыгать может целый день
до захода солнышка.
Может, крикнуть на него
и уйти, поссорившись?
Только, если я уйду,
скукой двор заполнится.
Лучше вместе посидеть
и смотреть на солнышко.
А приятель шмыг, да шмыг,
шмыгает по-взрослому.
Словно в носе у него
шмыгальные россыпи.

Что за жизнь...

Что за жизнь у нас настала.
Невозможно поболеть.
Деньги платишь, им все мало.
Может легче умереть?

Умереть — не хитро дело.
Только глянешь ихний прайс
Наступает обалделость —
на хрен нужен этот рай.

Да и в ад цена большая,
не подъемная цена.
Знать судьба моя такая
Ждать другие времена.

Я прижимаю...

Я прижимаю с нежностью ладони,
в них чувствую домашнее тепло.
Ловлю счастливый взгляд в глазах бездонных
и верю, что мне в жизни повезло.
Открытая, душевная улыбка
питает настроение мое.
Я скинул с плеч шальных сомнений глыбу
и скомкал черно-белое кино.

Ожидание солнца

Вредное облако солнце закрыло,
будущим дождиком нам пригрозило.
Только угроза для нас не страшна,
птичьими трелями манит весна.
Смело гоняем по утренним лужам.
Не вспоминаем про происки стужи.
Рядом под горку несутся ручьи.
Дятел по дереву клювом стучит.
Новой травой зеленеет лужайка.
Шубку меняет встревоженный зайка.
Хитрою бестией бродит лиса.
Очень коварна лисичья краса.
Только бы солнышко вышло скорее.
Может, лисичка в лучах подобреет.

Облака, облака...

Облака, облака, вы откуда плывете?
Почему не остались в далеких краях?
В свой высокий полет вы меня не зовете,
Оставляя лишь тень на российских лугах.

Как хочу я взлететь и умчаться за вами.
Как хочу обозреть милый край с высоты.
Мой душевный порыв не опишешь словами,
А без искренних слов не озвучишь мечты.

Я пытаюсь найти в вашем белом безмолвье
Отражение той, что дарует покой.
Но цветы полевые в моем изголовье
Не хотят соглашаться с набежавшей тоской.

Бассейн

На лужке любимой дачи
мама сделала бассейн.
Вот удача, так удача.
В нем плескаться можно всем.

Нас с братишкой и сестренкой
Не оттащишь от воды.
Только кот сидит в сторонке
и с волнением глядит.

Для него вода — несчастье.
Вон как выпучил глаза.
А для нас водичка — счастье
и восторги в голосах.

Мы кричим на всю округу
и плескаемся в воде.
Оттого от наших ручек
брызги сыплются везде.

Мы готовимся купаться
и плескаться целый день.
Только солнце отступает,
на бассейн ложится тень.

Утром на даче

Мы проснулись на даче, посмотрели в окно.
Только серое небо за окошком видно.
Нам с братишкой взгруснулось, расхотелось
играть.

Но зато не придется огород поливать.
И сказал тут братишка — нужно грядки полоть.
Видишь, бабушка полет, ей придется помочь.
Мы направились к грядкам по росистой траве.
Суетились букашки поутру в мураве.
Мы не стали их трогать, нас работа ждала.
Не какая-то мелочь, а большие дела.
На клубничные грядки мы сегодня спешим.
Ни единой клубнички сорнякам не дадим.

Улитка

Утром солнышко резвится.
Мы идем в соседний лес.
Чтобы вскоре возвратиться
нам со множеством чудес.
Мы идем и рассуждаем
о цветочках и грибах.
И тихонько напеваем
про малину на кустах.
Только внучка увидала
вдруг улитку на кусте.
Мне улитку показала
на зелененьком листе.
И с волнением сказала —
это чудище мое.
И глазами заморгала,
дальше к лесу не идет.
Я, конечно, упирался,
намекал на чудный сбор.

Убедить ее старался,
что с улиткой перебор.
Но упрямую девчонку
не сумел уговорить.
Не посмел ее ручонку
от улитки удалить.
В общем, с лесом не прощаясь,
мы отправились домой.
Не несли, что обещали,
шли с улиткой дорогой.
И пришлось мне для улитки
делать домик расписной.
И улитка стала близкой
не для внученьки одной.

Две сестренки

Две сестренки маленьких не живут в ладу.
Не кружит в их спальне радость, на беду.
То дележка куколок с появлением слез.
То потоки ругани с множеством угроз.

Без разборок в спальне не проходит дня.
На шумливых девочек сердится родня.
Кормят обещанием — будем дружно жить.
Но находят поводы, чтобы не дружить.

И опять из спальни слышен детский плач.
Нет в их отношениях доброго тепла.
Не помирят девочек праздничный калач,
Что с таким старанием мама испекла.

На Финском заливе

На песчаном берегу я стою и наблюдаю,
как к водичке внук шагает.
Внучки вслед за ним идут
и немножко отстают.
Внучек ножки замочил
и «спасите» завопил.
Внучки вмиг остановились,
встать в водичку не решились.
Но сказал внучок — за мной
и побрызгал их водой.
И взметнулся детский визг,
то ли радость, то ль каприз.
Но сказала мама строго —
не мочитесь слишком много,
не ходите в глубину,
соблюдайте тишину.
Только можно ли в водичке
им вести себя прилично.

Проще бегать и кричать,
ножкой брызги создавать.
Звонкий смех несется ввысь.
Весела с водичкой жизнь.

Происки непогоды

Дождей невидимо наслал
на нас природный бес.
Со всею силою трепал
ветрами стройный лес.
Потоки бешеной воды
крушили все подряд.
Стонал от горя и беды
спокойных дней уклад.
За что такая непогодь
свалилась на людей?
За что гнобит который год
воинственный злодей?

Встряхни свою душу...

Встряхни свою душу, Россия моя,
пока не потушен источник огня.
Пока колосятся на поле хлеба.
Пока не коснулась дубин голытьба.
Доколе гореть будут наши леса?
Доколе визжать будет зло колеса?
Доколе господствовать будут рвачи,
А бедность стоять у церковной свечи?
Вопросы роятся в моей голове,
а сущность ответов уже не внове.

Шмель

Шмель влетел в мое окно.
Не на шутку расшумелся.
Вдоволь сладкого наелся
и котлеток заодно.
Утолив свой аппетит,
полетел по всей квартире
словно маленький задира
или конченный бандит.
Грозно усом шевеля,
напугать хотел он кошку
то ль всерьез, то ль понарошку.
Только сделал это зря.
Кошка, шума не любя,
быстро выпустила когти.
Совершив прыжок высокий,
лапой вдарила шмеля.

Шмель упал к ее хвосту,
пожужжал еще немножко,
оказался в лапах кошки
и забыл про суету.
Я немножко не успел.
Кошка смачно облизнулась,
от окошка отвернулась,
отойдя от грязных дел.

Не лезьте в душу мне...

Не лезьте в душу мне с немытыми руками.
Она по-прежнему открыта и чиста.
Я не ношу с собой за пазухою камень
и не виню во всем содеянном Христа.

Мне не пристало уповать на осторожность.
Смотрю на жизнь я через призму доброты.
Спешу вложить в поступки первую возможность,
чтоб исходил из них источник теплоты.

Чтоб тот источник согревал мою Россию,
с которой связан неразрывною судьбой.
Я с ней довольствуюсь шатром небесной сини
и горизонтом, что уводит за собой.

С вершины прожитых годов...

С вершины прожитых годов
смотрю на мир без сожаленья.
В одном из лучших городов
я возвестил свое рожденье.

Раскрылась Волга предо мной
своей величественной ширью.
И над рекою ангел мой
озвучил мысль о добром мире.

Я помню нежное тепло,
что сердце мамы излучало.
Мне с ним по жизни довелось
найти счастливое начало.

И с той поры, где б ни был я,
меня ласкает мамин голос.
Я с ним, творения дея,
могу сказать, что сердцем молод.

Я с ним уверенно держусь
в любом седле суровой жизни.
И по сыновьему делюсь
своей судьбой с моей Отчиной.

Кабачки и крот

Посадил я с бабушкой грядку кабачков.
Поливал водичкою только с родников.
Много дней ухаживал, сорняки срывал.
И покоя дедушке тоже не давал.
Зацвели красавчики и пустились в рост.
По утрам на листиках грелись капли рос.
Отгонял я бабочек от своих кустов.
С червяками местными биться был готов.
Но случилось худшее, то, что я не ждал.
Кто-то мои овощи взял и покусал.
Я спросил у дедушки, и ответил тот —
По ночам на грядочку выползает крот.
В кабачки впивается лапками и ртом.
Видишь эту дырочку под твоим кустом.
Посмотрел внимательно я под этот куст.
От картины виденной навалилась грусть.
Я засыпал дырочку щебнем и песком.
Посидел на лавочке и вернулся в дом.
Почитал немножечко и улегся спать.

Сон, подобный пугалу, мне пришел в кровать.
Будто крот-страшилище лезет из земли.
Кабачки созревшие собирать велит.
Я их рву старательно и даю кроту.
Пропадают овощи у него во рту.
...После долгой ноченьки я пошел к кустам
И большую дырочку я увидел там.

В русском поле

Поле русское горит
краснотой от иван-чая.
Ветер во поле шумит,
злых мошек разгоняя.

Шмель кружится надо мной.
Солнце греет мой рассудок.
Я люблю российский зной
с пеньем трав и звонким зудом.

Рифма рвется из груди.
Слог играет с птичьим пеньем.
Все невзгоды позади.
Сердце бьется с умилением.

Торлица

За окном пансионата
длиннолапая сосна.
Ее хвоя густовата,
и обильно зелена.
На нее садятся птицы
от ворон до воробьев.
И пытаются укрыться
от детей-озорников.
Только слышно — чик-чирики,
да вороний громкий каррр.
То ль угрозы, то ли крики,
то ли песенный базар.
А на самой на макушке
птица странная сидит.
На манер лесной кукушки
мне чего-то говорит.
Окольцованная шея,
непривычно гордый вид.

Словно сказочная фея
в окружении птичьих свит.
С неподдельным восхищеньем
я на горлицу смотрю.
И с естественным волненьем
ей тихонько говорю —
Расскажи мне фея-птица
на понятном языке,
как могу с тобой сдружиться
и общаться налегке.
Но загадочная птица
мой язык не поняла.
Поспешила удалиться.
Вот такие вот дела.

Человек не должен умирать...

Я мечтаю только лишь о том,
чтоб народы стали милосердней.
Пусть любовь приходит в каждый дом
и цветет с особенным усердьем.

Нет нужды искать себе врагов
и глядеть на мир через прицелы.
Нас спасут от грозных батогов
милосердьем заданные цели.

Человек не должен умирать
от звериных ставок на жестокость.
Он не вправе жизни забирать,
вдохновляясь принципом за око.

Он не должен..., только все сильней
раздаются мерзкие угрозы.
От которых в мире все страшней,
все дешевле ценники на слезы.

Звук гитары

Звук гитары волнует округу,
навевая знакомый мотив.
Гитарист увлекает подругу,
применяя лирический стих.

У подруги оттаяло сердце,
заискрились любовью глаза.
Как приятно гитарное скерцо,
что несется сейчас в небеса.

Пусть и звезды послушают песню
с откровенным биением чувств.
И огнями украсят невесту
в части света с названием Русь.

Внучка стала взрослой

Внучка стала взрослой,
к ней не подступись.
Первый класс — не садик.
Школа, берегись.
Новая прическа,
новый макияж.
В выборе подружек
новый антураж.
Спинку выпрямляет,
сидя за столом.
Школьные задания
делает с умом.
Больше не находит
время на каприз.
Новая пятерка
вовсе не сюрприз.

И в глазах у внучки
взрослый огонек.
Милая серьезность —
вот ее конек.

Я и кошка

После тягостных сомнений
принесла мне мама кошку.
Та освоилась немножко
и пошла за мною тенью.

Я взяла ее на ручки,
приласкала, как умела.
Причесать ее хотела,
чтобы шерстка стала лучше.

А она пустила когти
и нацелилась кусаться.
Ох и трудно отбиваться
от зубов кусачей кошки.

От такого вот общенья
на лице следы остались.
Я с кусачкою рассталась,
не дала ей угощенья.

Но пушистая подлиза
возле ног моих крутилась —
по-кошачьи повинулась,
словно знатная актриса.

Я насыпала ей корму,
налила сырой водички.
Кушай, киска-невеличка —
ей сказала без укора.

После этого общенья
мы, как будто, помирились.
Но кусачки повторились
даже после угощенья.

И царапки повторились
на порыв ее погладить.
Как же с кошкою поладить,
как же с ней договориться?

Феодосия

Обняла кусочек моря
сердобольная старушка.
Здесь Иван¹ с волнами спорил
и гулял великий Пушкин.

Здесь от вражеских набегов
каждый камень кровоточит.
Здесь от лунного разбега
жизнь светлее даже ночью.

Здесь прибой играет галькой
фуги чудного рассвета.
Здесь закат оригинальный
в красках огненного цвета.

¹ Иван Айвазовский — великий русский живописец, родившийся и живший в Феодосии.

Рядом с древними дворцами
ввысь стремятся новостройки.
И за звездные мерцанья
небу платят неустойку.

На море

На море выезжаю
и только им живу.
О боли забываю,
на помощь не зову.

Несет меня волною
за дальний горизонт
от солнечного зноя
до призрачных красот.

Шумливые бакланы
резвятся надо мной.
Как будто манят в страны,
где красен мир иной.

Вещают про награду,
что жизнь не додала.
Но мне совсем не надо
заморского тепла.

Скороспелая осень

Экономит золото осень скороспелая.
Будоражит зеленью сочная листва.
Радует околица птичьими напевами,
что несутся к солнышку с каждого куста.

Нет тебе ни дождика, ни привычной серости.
Свежей росяницею светится копна.
Скромное желание в мое сердце селится,
только вот любимая в поле не видна.

Моя звезда

Моя звезда на небе не угасла.
Ее на миг закрыли облака.
Но этот миг нахлынул без согласия.
Нависла вдруг коварная рука.

И потому с надрывом сердце бьется.
Родник желаний рифмой не поет.
Надрывный гул в сознании отдается.
Но верю я, звезда моя придет.

Она осветит ближнюю округу,
украсит вечер радугой надежд.
И вырвусь я из замкнутого круга,
возьму пером рифмованный рубеж.

Очень жаль

В душе моей роится радость.
Ваш силуэт волнует взор.
С порывом чувств уже не сладить.
Мне не понятен ваш укор.

Страхните дрожь и улыбнитесь.
Примите нежность за любовь.
В своих сомненьях повинитесь.
Пускай разыграет в жилах кровь.

И пусть кружит над нами ангел,
раскинув звездную вуаль.
Пусть будет каждый миг желанным.
Ах, не хотите, очень жаль.

Спиннер

За хорошую отметку
внучек спиннер попросил.
Просьбу взял я на заметку,
только спиннер не купил.

И тогда, насупив брови,
мне мой внучек заявил —
ты не выполнил условий,
спиннер так и не купил.

Он не слушал фраз избитых,
что вещал я в этот раз.
Неприкрытая обида
слезно хлынула из глаз.

Чтоб унять его слезинки,
я повел его в киоск.
Там купил ему новинку —
чудный спиннер фирмы Боск.

За закатом всегда наступает рассвет

Не терзай благозвучие робкой души.
Беспричинно о горе кричать не спеши.
Не храни неприятности прожитых лет.
За закатом всегда наступает рассвет.

За разлукой нежданная встреча придет.
Будет солнцем манить голубой небосвод.
Будут птицы весеннею песней встречать,
И желанной тебя милый друг величать.

Ты поймешь, как прекрасна и радостна жизнь.
Только сделать неверный порыв воздержись.
Не неси отголоски рыдания на свет.
За закатом всегда наступает рассвет.

Развратница

Смесь Диора с табаком.
Пышность сочных губ.
Модный шарфик узелком
не скрывает грудь.
Чуть прикрытые глаза
с томной пеленой
могут многое сказать,
если выбор твой.
Сколько преданных сердец
взгляд испепелил.
Сколько жизней под венец
так и не пустил.
Чуть прикрытые глаза
ищут новых жертв.
Ты не робкая краса,
черта протееже.

Бессонница

Я дождался утренней подсветки.
Лучик солнца в окна заглянул.
Ночь прошла под нудный гомон ветра.
Он огонь бессонницы раздул.

Он мое сознание кошмарил,
превратив затишье в перезвон.
И с надрывом подгулявшей шмары
восторгался, что всемогущ он.

Ночь прошла и утренней подсветкой
озарилась жизни благодать.
На лице бессонницы отметка
и в глазах покоя не видать.

Мне б на облачко забраться

Мне б на облачко забраться,
да на садик посмотреть.
С небом вдоволь наиграться,
может в космос улететь.
Прогуляться по планетам
и с Луны махнуть рукой.
Я бы много дал за это,
даже трактор заводной.
Даже белую лошадку,
что мне дядя подарил.
Даже детскую площадку,
если б папа прикупил.

Забывашка

Что случилось с нашей внучкой,
Где же память у нее?
Оттого и невезучесть
одолела вдруг ее.

Забывает про уроки,
забывает про кружок.
Не выдерживает сроки
как ступает за порог.

Снимет фантики с конфеток,
забывает их убрать.
И давать свои советы
тоже стала забывать.

Забывает в школе ластик
и заполненный пенал.
Оттого бушуют страсти,
словно кто-то ей мешал.

Даже завтрак забывает
и любимый телефон.
Может с вами так бывает
или это страшный сон?

Черета воспоминаний

Черета шальных воспоминаний
Будоражит старческую плоть.
Расцветает магия желаний,
Что не в силах я перебороть.

Наяву заманчивая юность
Раскрывает пылкий пьедестал.
И любовь уводит взглядом в нужность.
И прибой поет, что я не стар.

Я плыву за лунным отраженьем,
Вспоминая милое лицо.
Предо мной витраж любимых женщин
Беспардонно взял меня в кольцо.

Я прошу — любимые, простите,
Что не смог надежды оценить.
Что порвал серебряные нити,
Сохранив одну земную нить.

Осенняя песенка

Приветы разлетаются листочками по свету.
Летают почтальонами студёные ветра.
Листы зелено-желтые и огненного цвета.
Пришла на землю русскую осенняя пора.

Кладет под ноги коврики застенчивая осень.
Играет разноцветие от солнечных лучей.
Природа развлекается и многого не просит.
Обидеть не старается природный казначей.

И смотрит с удовольствием улыбочное небо
На сорванные листики осенним баловством.
Присыпанная листьями ведет дорога к снегу
С пушистыми сугробами и белым естеством.

Твои бездонные глаза

Твои бездонные глаза
меня по-прежнему пленяют.
Я к безрассудности готов,
чтоб их еще раз увидеть.
Они взирают издали
и в бесконечной дымке тают.
Мне уготовано в ночи
тонуть в мечтаньях, иль страдать.

Я искрометность этих глаз
открытым сердцем ощущаю.
И, как слепой, иду на свет
большой и искренней любви.
Но одинокая звезда
мне лунных встреч не предвещает.
И гаснет робкий огонек
моей истерзанной судьбы.

Мои амулеты

Из резиночек красивых
внучка мне сплела браслет.
Был он бело-красно-синий,
как трехцветный амулет.
Он достойно разместился
на одной моей руке.
С этим внучек мой смирился,
взгляд потух его в тоске.
Но прошла унылость взгляда,
внук резинки применил.
И, вложив в работу радость,
свой браслетик смастерил.
По зенитовской раскраске
сине-бело-голубой.
И мгновенно, словно в сказке
слился он с моей рукой.

Я теперь ношу браслеты,
и идет о них молва,
потому что амулетов
не один, а целых два.

К тебе спешу...

К тебе спешу по бездорожью,
стремлюсь увидеть в свете дня.
И прижимаюсь осторожно,
святыми чувствами маня.

Свое внимание дарю,
твой образ искренне любя.
Своим горячим поцелуем
благословляю я тебя.

И учащенно сердце бьется
под негой шелковых одежд.
И бой сердечный отдается
в истоках праведных надежд.

И загораются любовью
твои усталые глаза.
И высыхает в изголовье
разлукой данная слеза.

В свою обитель приглашаю...

В свою обитель приглашаю
и буду рад увидеть Вас.
Мы посидим за чашкой чая
и посудачим без прикрас.

Вдвоем, в порыве откровенья,
конечно, вспомним о былом.
И будут нотки сожаленья
звучать в сознании моем.

Но дней прошедших не воротишь,
ошибок прошлых не учтешь.
Ушла любовь бесповоротно,
другой у бога не займешь.

Загадка

Укрылась в женщине загадка,
быть может даже не одна.
Ты разгляди ее украдкой,
она в глазах ее видна.

Она видна в ее движениях,
в ее робеющих речах.
Она не терпит отторженья
и преломляется в мечтах.

Она не светит понапрасну,
и о себе не голосит.
Но, разомлев в порыве страсти,
волшебным пламенем горит.

Это не по мне

Нахохлились деревья,
утратив свой наряд.
Пускай природа дремлет —
в народе говорят.

Решительное солнце
ушло за облака.
И ветер, друг бессонный,
поспел издалика.

Натужно завывает,
терзает воем люд.
Как будто забывает,
что весел, а не лют.

Осенние денечки
склоняются к зиме.
Длиннее стали ночи,
и это не по мне.

Святая снежность

По морозцу звон церковный
будит спящую округу.
Свежий воздух благовонный
носит здравие по кругу.

Забавляются полозья
скрипом выпавшего снега.
Вслед за снегом, осторожно,
разлеглась на поле нега.

И лежать ей безмятежной
до весеннего звучанья.
А пока святая снежность
и душевное молчанье.

На рыбалке

На рыбалку я иду, деда охраняю.
И за удочки держась, деда подгоняю.
Я боюсь, что на пруду места не найдется.
И без вкусных карасей нам уйти придется.
Наконец-то вот и пруд, и местечко наше.
И приятель мой большой мне рукою машет.
Я машу ему в ответ, достаю наживку.
И мечтаю об одном — с удочкой сдружиться.
Но насаживать червя на крючок не смею.
Дед сажает за меня, он быстрее умеет.
Он и удочкой моей управляет ловко.
Я за удочкой слежу, жду свою поклевку.
Дед поймал уж целых две маленьких рыбешки.
Бросил маленьких в ведро и сказал — для кошки.
Я пока за ним смотрел, прозевал поклевку.
Хорошо, что уцелел мой червяк неловкий.
Он неловкий потому, что не взял рыбешку.
Может удочка моя ловит понарошку?
Но запрывгал поплавков вдруг по водной глади.

Я удилищем махнул, чтобы с рыбкой сладить.
Показала рыбка хвост и скользнула в воду.
Потому что для нее очень вреден воздух.
Дед на доводы мои говорит серьезно —
рыбка плавает на дне очень осторожно.
Так что больше не зевай и лови с усердьем.
Чуять нужно не рукой, а рыбацким сердцем.
Он промолвил и поймал рыбину с ладошку.
Вот такие караси точно не для кошки.
Наконец и я поймал с помощью дедули.
Мы уселись у воды и костер раздули.
Подтянулись рыбаки к нам за угощением.
Будет вкусная уха — дедово решение.

Не осуждай меня, родная

Не осуждай меня, родная.
Напрасно душу не трави.
Я сам себя освобождаю
от незаконченной любви.

Я сам себя кляню за пошлость,
что разбросал в порыве чувств.
Но наша быль покрылась ложью,
я от нее теперь лечусь.

Я не хочу возврата в негу,
что ворошит мою судьбу.
Меня влечет звезда на небе,
с которой виден светлый путь.

Скорей бы зима

Как быстро сгорело унылое лето.
Как робко дорожки укрыло листвою.
Задиристый ветер сорвал эполеты
с могучего дуба коварной рукой.

Свинцовые тучи взирают на землю.
Грозят разразиться холодным дождем.
Природа глуха, нашим просьбам не внимлет.
И мы позитивных условий не ждем.

Скорей бы мороз разукрасил деревья
и мрачные пашни укрыл серебром.
Люблю я зимы озорные творенья
с накатанной горкой и радостным льдом.

Любителям обструкции

Захлебываюсь вашим красноречьем
И в гнев вхожу от пламенных речей.
Мне стали неприятны наши встречи
с притушенной затхлостью свечей.

Мне холодно от ваших назиданий
и тягостно от звездной болтовни.
Ценители абстрактных мирозданий,
носители никчемной новизны.

Оставьте подслащенную банальность
с надменным описанием основ.
Опомнитесь и выйдите в реальность.
Попробуйте живительную новь.

Маша и Леша

Маша лепит куличи,
Леша их курочит.
Маша громко не кричит,
Леша — что есть мочи.
Маша кормит воробьев,
Леша их гоняет.
Маша знает много слов,
Леша их не знает.
Маша делает добро,
Леша ей мешает.
Маше дали бутерброд,
Леша отнимает.
С Машей дружит пес «Дружок»,
с Лешей не желает.
Он не раз уж ей помог,
а на Лешу лает...

Очень хочется узнать
через суть вопроса.
А вы можете понять,
кто из них хороший?

Родная сторона

Души моей волшебная струна.
Хранилище бесценных многоточий.
Российская родная сторона —
Стихов моих пленительный источник.

Я вижу в нем правдивость естества
И верую в целительную близость.
И нет милей вселенского родства
Без пафоса, сомнений и капризов.

Мое желанье искренне любить
Ты чувствуешь и кротко принимаешь.
Даешь мне в жизни многое испытать
И все по-матерински понимаешь.

Первый мороз

Мороз жует траву
и иней оставляет.
А льдинок звонкий звук
в дневной прохладе тает.
Глядят из-подо льда
рассерженные лужи.
Нахохлилась вода
и по дождинкам тужит.
Но любит ребяшня
надтреснутые льдинки.
По льдинкам погонять,
смахнуть с травинок иней.
И ветер им дает
приятную возможность.
Белугой не ревет,
а воет осторожно.

Давно забытые мотивы...

Давно забытые мотивы
всплывают в памяти моей.
Беспечной юности активы
уводят в прелесть светлых дней.

Перед глазами танцплощадка
в осеннем парке городском.
И мы целуемся украдкой,
прикрывшись девичьим платком.

Стучат сердца в порыве страсти
и страстной дрожи не унять.
Смешные пробы первой ласки
с наивной просьбой их понять.

Но не спешит принять ретивость
подруга юности моей.
И все же море позитива,
я ощущаю вместе с ней.

Чучело

В садик чучело пришло
и нервозность принесло.
Воспитатели и няни
не нашли, что это — Таня.
Из-под шапки злобный взгляд
растревожил всех подряд.
А сердитые движенья
тут же создали брожение.
Няни стали суетиться
и на чучело дивиться.
Постарались ей помочь,
но оно сказала — прочь.
Шапка в угол полетела,
шарф на пол упал без дела.
А большие сапоги
сами спрыгнули с ноги.

В общем, чучело раскрылось
и в Танюшу превратилось.
Оказалось, что она
встала вредною со сна.

Утомленное сердце

Сердце стало мне перечить.
Строит козни всякий раз.
То печаль взвалит на плечи.
То круги запустит в глаз.

От такого обхожденья
ходит кругом голова.
Черно-белые виденья
стали мысли забивать.

Вместо рифмы рвется проза
с мрачным видом на верлибр.
В этом чувствую угрозу
с указанием на калибр.

Разномастные пилюли
развалились на столе.
К ним суспензии прильнули
с меткой дозы на стекле.

Я смотрю на эти дозы
и в очищенный стакан
лью творенье винной прозы,
чтоб оставила тоска.

Прощание с осенью

Я ежедневно с осенью прощаюсь,
смотря на небо с примесью свинца.
И нежных чувств уже не обещаю,
Как это делал в образе юнца.

Ее промозглость сердце охладила.
Студеный ветер душу остудил.
Хочу, чтоб мысли осень отпустила.
Перечить ей уж нету больше сил.

Мне нету силы с ветром состязаться,
смотреть на небо в розовых очках.
Я так хочу под синью оказаться
с моей подругой вовсе не в мечтах.

Я так хочу с любимой окунуться
в златую негу солнечных лучей.
И с наслажденьем миру улыбнуться,
и пожелать любви погорячей.

Я хочу...

Я хочу, чтобы солнечный луч
растопил бесконечные распри.
Благодеяние лилось из туч,
орошая любовные страсти.

Я хочу, чтобы каждый из нас
вспоминал материнскую ласку.
И, доверие взяв про запас,
не кичился представленной властью.

Я хочу, чтобы счастье в глазах
полыхало немеркнущим светом.
Чтобы радость была в голосах,
и она не глушилась при этом.

Я хочу, чтобы жизнь на Земле
хоронилась под доброй улыбкой.
Чтобы мир не держался на зле
и надежда не виделась хлипкой.

Я хочу, впрочем, есть ли резон
оглашать длинный перечень истин.
Милосердью поставлен заслон,
как и мнению быть альтруистом.
Я хочу..., но не смею учить
знатоков просвещенного века.
Впрочем, нужно историю чтить,
оставаясь всегда человеком.

Конь и Пони

Конь по прерии скакал,
Вольным воздухом дышал.
Чудным миром восхищался
и не ржал, а улыбался.
Вдруг возникло на пути
чудо, дальше не пройти.
Конь в сердцах остановился
и на чудо подивился.
А потом прищурил взгляд
и сказал, что будет рад,
если маленькое чудо
на пути стоять не будет.
Чудо глазками моргнуло,
красноречием блеснуло —
я дорогу уступлю,
только грубость не терплю.
Поперхнулся вороной
конь от наглости такой.

Грозно стукнул он копытом,
обещал, что будет битым
всяк, кто пробует дерзить,
так что лучше уступить.
Только чудо не пугливо —
раскричался, что за диво.
Ты скажи — тебя молю,
я дорогу уступлю.
Конь дивится на упрямство
и вещает — что за хамство.
Лучше чудо обойти,
да с надеждою уйти.
С чуда конь очей не сводит
и с достоинством обходит.
Только чудо вслед идет,
объяснений не дает.
Конь галопом припустился
и кричит задорным стилем —
догоняй меня скорей,
да в погоне не потей.
Долго чудо вслед бежало,
но к ночи совсем устало.
И взмолилось — погоди,
быстрым темпом не беги.
Я с тобой дружить желаю
и заочно уважаю.
От таких приятных слов
конь на все идти готов.
Как зовут тебя, дружок —
чуду вымолвить он смог.

Я зовусь не как все кони,
рад представиться, я — Пони.
И хотя я ростом мал,
но по-взрослому удал.
Конь нахмурился немного
от такого монолога.
И подумал — я, да я,
не хвастун ли ты, дитя.
Впрочем, стоит подружиться
и в обратном убедиться.
Пони он отбил поклон
и представился, я — Конь.
Так сдружились Конь и Пони.
Вместе жалуют погони.
Вместе в прерии пасутся
и на ссоры не ведутся.

Северное сияние над Петербургом

Пошла в загул ночная темень,
дворцы и скверы отпустив.
Волшебный гений без системы
рисует в небе позитив.

Над Петербургом буйство красок.
Пылает звездный небосвод.
Картина выглядит прекрасно
на освещенной глади вод.

Магнитных бурь отображенье
струится в невских берегах.
Гранит сияет в отражений
давно невиданных регат.

Наполнен воздух восхищеньем
от мощной прелести цветов.
Идти навстречу озаренью
любой из нас идти готов.

Вольной птицей взмыть...

Волной птицей взмыть не каждый хочет.
Быть ваятелем не каждый может.
Кто-то рядится в кафтан вельможи.
Кто-то властвует с покровом ночи.

Кто-то жизнь напрасно прожигает,
Задымляет жизненную прелесть.
Заглушая песенные трели,
Отходную Родине читает.

И в упор не зрит, что стало лучше,
И клеймит позором все на свете.
Только гимн Отчизны не об этих.
Только глас народа не заглушишь.

Путь к закату

Дневная лафа улеглась до рассвета.
Осенние сумерки радуют глаз.
Закат поманил меня розовым цветом,
И я не посмел отказать в этот раз.

Я шел осторожно в объятья заката,
Задорную рифму в уме теребя.
И думал о том, что уйду без возврата,
Что буду любить, не жалея себя.

Тянули деревья костлявые ветви,
Пытаясь унять мой решительный пыл.
А я оставлял их порыв без ответа.
И даже назад оглянуться забыл.

Закатный пожар разгорался сильнее.
Меня все сильнее тянуло к нему.
Но ветер пожаловал с тучей на небе,
И ночь окунулась в скорбящую тьму.

Тупая одношорстность

Заглатывают пищу бутербродную.
Заокеанским зельем запивают.
Надеются на морду благородную,
Но от такой еды не убывает.

От догов и от всяких прочих бургеров
Трещат по швам юбчоночки и брюки.
Общаются утробы каламбурами,
И стройность брать не хочет напоруки.

Планету тяготит от ожирения.
И вес не убывает от обжорства.
Такие вот смурные откровения.
Такая вот тупая одношорстность.

К любимой в поземку

Лижет легкая поземка
стылую тропу.
Скрип от снега нежно-звонкий
красит мне ходьбу.
Я дышу игривым ветром,
радуюсь ему.
Не беда, что нету света,
что шагаю в тьму.
Вот уже собака лает,
чуя непокой.
Милый образ зазывает,
машет мне рукой.
Я тянусь к его объятьям,
греюсь лаской губ.
И вещаю на понятном —
буду страстно груб.

Не страшит такая грубость —
отвечаешь ты.
Голова уж ходит кругом,
вот они мечты.

Картинки молодости

Молодость-проказница в душу заглянула,
Память озадачила прелестью картин.
Тело, разомлевшее, в молодость нырнуло,
Будто бы избавилось от седых годин.

В прошлом меня встретили дружеские лица.
Встретила улыбкою первая любовь.
Мы с друзьями выпили с целью похмелиться,
Чтобы раззадорилась в венах наша кровь.

А потом направились гопую на танцы.
Нашу гоп-компанию знали все в окрест.
Не было у девушек никакого шанса
Отказать красавчикам танго под оркестр.

Молодость-проказница в душу заглянула,
Память озадачила прелестью картин.
От такого виденья слезы навернулись.
И открылись жалюзи старческих кручин.

Пианино

Купила мама пианино.
Оно сверкает новизной.
Я целый день старался мимо
Пройти, но что это со мной.
Сначала я его потрогал,
Потом за крышку подержал.
Затем открыл ее немного,
Линейку клавиш увидал.
Я трогал клавиши и нюхал,
Потом попробовал считать.
И слушал мамочку вполуха,
Просил мне больше не мешать.
И кулачками, что есть силы,
Давай по клавишам стучать.
С волненьем мамочка спросила —
Ты хочешь так на нем играть?

И я без скромности ответил —
Могу еще сильнее играть.
На нем играют даже дети,
А мне сегодня целых пять.

Ворчливый братишка

Я люблю свою сестру,
иногда жалею.
Пожалеть — несложный труд,
если заболит.
Но злобная сестра
заболеть не хочет.
Встанет с раннего утра
и весь день хохочет.
Да и хохот у нее
громкий и противный.
Настроение мое
хуже позитива.
Я и рад бы с ней играть,
только душит злора.
Хватит петь и хохотать.
Где твоя хвороба?

Вот тогда бы пожалел,
посидел с несчастной.
А сейчас ее б портфель
разорвал на части.

Памяти Дмитрия Хворостовского

Закатилось творческое солнце.
В одночасье небо посерело.
Скорбь людская выпита до донца
В знак любви к родному менестрелю.

Не услышат оперные сцены
Сочный голос с бархатным окрасом.
Не нашлось на свете Авиценны,
Кто б продлил общение с прекрасным.

Но любовь к всемирному кумиру
Не покинет страждущие души.
Бог призывает к праведному миру
Вспоминать великого и слушать.

Дай мне, боженька...

Синеокий мой ангел,
надежд лучезарный источник.
Не унять мне желаний
с тобою общаться без точек.
Не сдержать мне эмоций,
несущих заботу и ласку.
Дай мне, боженька, мочи
осилить любовную встряску.
Дай мне, боженька, время
домашним теплом надышаться.
Непосильное бремя
на гребне любви расставаться.

Первый день зимы

Первый день зимы,
снежная пороша.
Нет осенней тьмы,
мысли о хорошем.
Стройный Снеговик
на лужайке вырос.
Развеселый вид,
нос без заковырок.
Детских голосов
звонкая октава.
Лепят из снегов
крепкую заставу.
Строится гурьбой
снежная преграда.
Скоро грянет бой,
тот, что детям в радость.

Рассвет на Кавказе

Кавказа снежные вершины
пускают зайчики в меня.
Такая чудная картина —
предвестник солнечного дня.

Багряно-огненным рассветом
пылает местный горизонт.
И новый день бежит за светом,
играя с небом в унисон.

Волнует тонкими лучами
светило землю и дома.
Ласкает тех, кто опечален,
и гонит горестей туман.

Открыв величие Кавказа,
дает надежду на успех.
И с нежных уст слетают фразы,
и не смолкает детский смех.

Рождество

Рождество Христово,
первый крик в яслях.
Признак жизни новой
в праведных ролях.

Звездными лучами
осветилась весть —
сын от бога с нами,
значит, правда есть.

И взошел мессия
на святой престол.
Символ божьей силы,
слитый с божеством.

С той поры любовью,
верою живем.
Сочетаем с новью
мысли о былом.

Метель

Метель на Питер навалилась,
в подоле снега принесла.
Пути-дорожки замела,
умчалась с ветром, не простилась.

Притих мой город побеленный,
но светом елочки зажглись.
Вокруг предпраздничная жизнь,
и люд, надеждой окрыленный.

Пред Новым годом одарила
нас снегом матушка-зима.
Красны снежинками дома.
Над ними счастье воспарило.

Непогода

Слякоть лезет в душу,
ветер рвет струну.
Мрак тоскою сушит,
гложет новизну.

Звездные объятья
мне не распахнуть.
И с промозглой ратью
в счастье не нырнуть.

Песню не озвучить
под дождливый стук.
Только сердце мучить,
да питать недуг.

Снежок

Я слепил себе снежок
для ребячьей битвы.
Вот он — беленький дружок,
плотный, не разбитый.

Я хотел уже бросать,
но рука застыла.
Там снежинки у снежка.
Им сейчас уныло.

Им сейчас не до игры,
корчатся от боли.
Может быть, убавить прыть
и вернуть им волю.

Надломил я свой снежок
и сказал снежинкам —
выходите на лужок
для веселой жизни.

Но снежинки не смогли,
иль не захотели.
Потекли они с руки
сыростью капли.

Столовая гора

Стою у подножья Столовой горы,
овеянной духом легенд и мечтаний
Мадхох — с теплотой осетин говорит.
Мат лам — так вершину ингуш почитает.

С любовью величие данной горы
два братских народа в стихах воспевают.
На гербах гора своей мощью горит,
и к новым свершеньям людей призывает.

В Балтийском ущелье грохочет вода —
Великого Терека бурный источник.
Я буду не раз возвращаться сюда,
пока не иссякнет запас многоточий.

Мадхох и Мат лам — Мать гора

С горки

Я на санках еду с горки,
не пугает крутизна.
А за мной летит Егорка,
подает какой-то знак.
Этот знак мне непонятен,
может, стоит тормознуть?
Только санки не унять мне,
не исправить скользкий путь.
Не заметил я трамплина,
покатился кувырком.
А Егорка мне на спину
завалился, словно ком.
Мы сначала рассердились,
а потом как закричим —
хорошо, что не разбились,
снова с горки полетим.

Слезинки

Слезинки выпали из глаз,
по щечкам покатались.
Я вижу их не в первый раз
те слезы крокодилы.

У внучки поводов для слез
бывает очень много.
То дед конфеток не привез,
то брат идет не в ногу.

То мама косы заплела
не так, как ей хотелось.
То не заладились дела,
и зря она потела.

То разлюбезный карандаш
сломался на картинке.
То папа просит ералаш
убрать с диванной спинки.

То..., впрочем, внучка этих то
находит ежечасно.
Я не хвалю ее за то,
но как она прекрасна.

Оглавление

Нотки дождя	3
Общение в интернете	4
Антицензурное искусство	5
Нежные воспоминания	6
Летний сад зимой	7
Разлука	9
Слякоть	10
Суть учебы	11
Мыслительные дебри	12
Щадящая зима	13
Кричит душа... ..	14
В глазах голубых... ..	15
Старческие метаморфозы	16
Иль наяву, или приснилось... ..	17
Песня древнерусская	18
Ах, зима, ты зимушка... ..	19
Странный Снеговик	20
Встреча с другом	22
Новый год в лесу	24
Телевизор лучше не смотреть	25
У пруда	26
Видение	27
Я к маме обращаюсь	28
Дворовая елка	30
Сестре	32
Родительские истоки	33

Давно я в парке не гулял...	34
Дружный отряд	36
Бабушкины блинчики	37
Вдыхая нежный аромат...	38
Душа поэта	39
Творческие планы	40
Бабушкин приезд	42
Жизненная новь	44
Скоро Новый год	45
Жертвенный год	47
Не жалуем живых...	48
Четыре дома у реки	49
Одинокая сосна	51
Песня скошенной травы	52
Отчего душа поет...	53
Ну, что за ночь...	54
Новогодний Петербург	55
Обращение к Зиме	57
Новый год пришел	58
Необычный Дед Мороз	59
Новогодняя бессонница	61
Питерское буйство	62
Пушисто-белый снег	63
Роль Дедушки Мороза	64
Голубое небо	66
Время новых мечтаний	67
Первая любовь	68
Ночное приключение	69
Как жаль, что первые стихи...	71
Святая амфора печали...	73
Две свечи	74
Рождественская горка	75
После праздника	77
Отшумели праздники...	79

Новая страница	80
Сон в зимнюю ночь	81
Лось и заяц	82
Как короток зимою день	84
Скорее в реальность	86
В пивную	87
Блажен, кто верует... ..	88
Удивительное начало	89
Воспоминание о лете	90
Доколь Земля носить нас будет?	91
Снег скрипит... ..	93
На юбилее	94
Перед Крещением	96
Клубок воспоминаний	97
Капризуля	98
Обращение к читателю	100
Елочку на отдых	101
Прощание Славянки	102
Доброе слово	103
Новый день	104
Сколько стран я повидал... ..	105
Жмурки	106
Ночная канитель	107
Слезливость	109
В минуту скорби	110
Доченька моя	111
Поэма о любви XXI века	112
Козни приятеля	115
Взгляд с речного крутояра	117
Любовь и годы	119
Сон при полной луне	120
Дом	122
Общение с Волгой	124
Мысли вслух	125

Гимн простому человеку	126
Без солнца	127
Твой образ	128
Птичка	129
О русской водке	131
Игра в шахматы	133
Талантам	134
Манит девичья чистота... ..	135
Деревня у обочины	136
Давайте вместе погрустим... ..	138
Разговор с рассветом	139
Журчащий ручеек	140
Младенческий полет	141
Мороз и солнце	143
Выставка Айвазовского	144
В морозную синь	146
Подергал за косичку	147
Мечтающим об агрессии	149
Почему нам жить спокойно не дают?	151
Весенний февраль	153
Сладкоежка ты моя... ..	154
Я в глазах твоих читаю... ..	155
Сожаление	156
Апельсин	158
Тряпка	159
Прелесть ромansa	161
Ночной романс	162
Внучке целых три	163
Музыка любви	165
Колокола	166
На кладбище	167
Страдания	168
Ручки-загребучки	169
Расставание	170

Я к Вам спешил...	171
Прощеное воскресенье	172
Начало марта	173
Пленительная сваха	174
Весенние мысли	175
Дымка	176
Смотрю на мир...	177
Дожив до старческих седин...	178
Первый юбилей	179
Я невымским воздухом дышал	180
Весенний дождь	182
Лошадка с крыльями	183
Мартовская туманность	184
Лунная соната	185
Любимой	186
Памяти жертв теракта	187
Назойливый мрак	189
Страшный сон лентяя	190
XXI век	191
Апрельская поэмка	192
Не пачкай жизнь	193
Пропавший щенок	194
Благодарю	196
Шестнадцать	197
Котенок и шарик	198
В лицее искусств	200
Ветру	202
Футбольный мяч	203
Болтунишка-хвастунишка	205
Одуванчик	207
Белая черемуха	208
Встреча с белкой	210
Июньский град	212
Солнечные цветы	213

Несчастный человек	214
Сон или не сон	215
Непогоду	217
Дождинка	218
Я — Россия	220
Кораблик	221
Катенька	223
Люблю	224
Общение с природой	225
Жук-злодей	226
Люблю читать... ..	227
Сбылась моя мечта	228
Чувства рвутся из души	229
Шмыгалкин	230
Что за жизнь... ..	231
Я прижимаю... ..	232
Ожидание солнца	233
Облака, облака... ..	234
Бассейн	235
Утром на даче	237
Улитка	238
Две сестренки	240
На Финском заливе	241
Происки непогоды	243
Встряхни свою душу... ..	244
Шмель	245
Не лезьте в душу мне... ..	247
С вершины прожитых годов... ..	248
Кабачки и крот	250
В русском поле	252
Горлица	253
Человек не должен умирать... ..	255
Звук гитары	257
Внучка стала взрослой	258

Я и кошка	260
Феодосия	262
На море	264
Скороспелая осень	265
Моя звезда	266
Очень жаль	267
Спиннер	268
За закатом всегда наступает рассвет	269
Развратница	270
Бессонница	271
Мне б на облачко забраться	272
Забывашка	273
Череда воспоминаний	275
Осенняя песенка	276
Твои бездонные глаза	277
Мои амулеты	278
К тебе спешу... ..	280
В свою обитель приглашаю... ..	281
Загадка	282
Это не по мне	283
Святая снежность	284
На рыбалке	285
Не осуждай меня, родная	287
Скорей бы зима	288
Любителям обструкции	289
Маша и Леша	290
Родная сторона	292
Первый мороз	293
Давно забытые мотивы... ..	294
Чучело	296
Утомленное сердце	298
Прощание с осенью	300
Я хочу... ..	301
Конь и Пони	303

Северное сияние над Петербургом	306
Вольной птицей взмыть... ..	308
Путь к закату	309
Тупая одношорстность	310
К любимой в поземку	311
Картинки молодости	313
Пианино	314
Ворчливый братишка	316
Памяти Дмитрия Хворостовского	318
Дай мне, боженька... ..	319
Первый день зимы	320
Рассвет на Кавказе	321
Рождество	322
Метель	323
Непогода	324
Снежок	325
Столовая гора	327
С горки	328
Слезинки	329

Георгий Скрипкин

Мыслительные дебри